

Константин Стерликов

**АДЖИМУШКАЙ.
НЕПОБЕЖДЕННЫЙ
ГАРНИЗОН**

Пьеса в 6 актах

Константин Стерликов

**Аджимушкой. Непобежденный
гарнизон. Пьеса в 6 актах**

«Издательские решения»

Стерликов К.

Аджимушкой. Непобежденный гарнизон. Пьеса в 6 актах /
К. Стерликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855756-9

Первая часть трилогии «Крым. Подземный фронт. 1942 год». Посвящена героической обороне гарнизона Центральных Аджимушкайских каменоломен в мае-октябре 1942 года.

ISBN 978-5-44-855756-9

© Стерликов К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Акт 1	11
Сцена 1	11
Сцена 2	16
Сцена 3	19
Сцена 4	23
Сцена 5	25
Сцена 6	31
Сцена 7	36
Сцена 8	38
Сцена 9	42
Акт 2	44
Сцена 1	44
Сцена 2	48
Сцена 3	52
Сцена 4	56
Сцена 5	59
Сцена 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Аджимушкой. Непобежденный гарнизон

Пьеса в 6 актах

Константин Стерликов

© Константин Стерликов, 2017

ISBN 978-5-4485-5756-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Место действия – Аджимушкойские каменоломни под Керчью, 1942 год

**«...Unum oro: quando hic inferni ianua regis
dicitur et tenebrosa palus Acheronte refuso, ire ad conspectum cari
genitoris et ora**

contingat; doceas iter et sacra ostia pandas.»

(«Лишь об одном я прошу: если вход к царю преисподней —

Здесь, где водой Ахеронт питает мрачные топи

Дай туда мне сойти и лицо родителя видеть

Путь укажи, отвори предо мной заповедные двери.»

Вергилий «Энеида. Книга 6»

«Так знай же, идущий к Истине, истерзанный путник — Из ужасов

Тьмы рождаются боги...»

Неизвестный античный поэт 3 в. до н.э.

Действующие лица:

Советская сторона.

Ягунов Павел Максимович, полковник,
командир подземного гарнизона, 42 года.

Парахин Иван Павлович,
старший батальонный комиссар, 39 лет.

Бурмин Григорий Михайлович, подполковник, 36 лет.

Левицкий Виктор Митрофанович, капитан, 35 лет.

Панов Аркадий Павлович, майор, 40 лет.

Белов Николай Николаевич, старший лейтенант, 37 лет.

Верушкин Федор Алексеевич, полковник, 45 лет.

Ефремов Николай Арсеньевич, лейтенант, 21 год.

Трофименко Александр Иванович,
младший лейтенант, 34 года.

Исаков Сергей Михайлович, старший политрук,
комиссар штаба подземного гарнизона, 36 лет.

Желтовский Владимир Иванович,
техник-интендант 2 ранга, 37 лет.

Иевлева Вера Алексеевна,
военфельдшер, лейтенант, 23 года.

Кохан Валентина Андреевна,
гражданское население, 23 года.

Немцов Николай Дмитриевич,

курсант-сержант Ярославской авиационной школы,
штурман бомбардировщик, 20 лет.
Волошенюк Анатолий Ефимович,
курсант-сержант Ярославской военной
авиационной школы, стрелок-бомбардир 22 года.
Скибин Иван М.,
курсант-сержант Ярославской авиационной школы,
штурман бомбардировщик, 20 лет.
Чернышов Алексей Николаевич,
курсант-сержант Ярославской авиационной школы,
штурман бомбардировщик, 20 лет.
Разогреев Михаил, гражданское население, 11 лет.
Кацыка Акилина Ивановна, гражданское население.
Мехлис Лев Захарович,
представитель Ставки
армейский комиссар 1-го ранга, 53 года.
Офицеры и солдаты подземного гарнизона, мирные жители.

Сторона Вермахта:

Генерал Эрнст Гакциус командир 46 пехотной дивизии.
Майор Рихтер, комендант немецкого гарнизона
в поселке Аджимушкой.
Майор СД Ланге (фамилия вымышленна).
Следователь СД Шопман.
Фашистские офицеры и солдаты.

Пролог

Май 1942 года. Крымский фронт. Зарево от взрывов. Горизонт затянут густым черным дымом. Непрерывающаяся канонада и вой самолетов.

Отступающие части Красной Армии. Широкая степь, где под не стихающей бомбежкой и артобстрелом с боями отходят советские солдаты. На открытом пространстве крымской степи разыгрывается настоящая бойня. Кто-то панически бежит, кто-то падает убитым, кто-то останавливается, намереваясь оказать упорное сопротивление. Из общей массы выделяется несколько фигур.

Подполковник Ермаков. Мы начали наступление темной ночью 7 мая, с артиллерийского обстрела позиций противника. Но удар был недостаточно мощным. И утром 8 мая, немцы, после усиленной артподготовки обрушились на наши окопы. Началась операция Вермахта под кодовым названием «Охота на дроф».

Лейтенант Светлосанов. Вслед за массированным артобстрелом начался авиационный налет врага. Небо стало черным от фашистских самолетов. Укрыться было по prostu негде...

Старший лейтенант Александров. Особенно мощному обстрелу и бомбардировке подверглись войска 44-й армии. В результате многие командные, наблюдательные пункты, узлы связи, коммуникации, огневые позиции оказались разбиты. Телефонная связь из-за огромного количества порывов перестала существовать, вышли из строя многие радиостанции. Связь со штабами потеряна.

Подполковник Ермаков. Мы приняли первый удар на себя. Около 5.00 утра, немецкая пехота и около 100 танков пошли в атаку на позиции нашей 63-й горно-стрелковой дивизии. Первые цепи наступающих были полностью уничтожены огнем наших пушек и пулеметов. Но массированный огонь артиллерии и действия авиации врага скоро подавили наши огневые средства и пехоту на первой позиции. Мои солдаты упорно оборонялись, но не смогли справиться со значительно превосходящими силами врага. Наша артиллерия, располагавшаяся близко к переднему краю и хорошо видимая фашистам, практически была уничтожена. Связь с другими подразделениями была нарушена. Мы понесли большие потери в личном составе.

Капитан Барлит. Одновременно с этой атакой в нашем тылу у горы Ас-Чалуле фашисты высадили морской десант на 30-и шлюпках, около 500 автоматчиков. На подходе к берегу вражеский десант был встречен огнем пулеметов, артиллерийских орудий, а на берегу даже и огнеметами. Однако, несмотря на потери, немцам удалось не только высадиться, но и прочно закрепиться на нем.

Лейтенант Светлосанов. Наступающие немецкие части с фронта и шлюпочный десант взяли в клещи 291-й полк 63-й горно-стрелковой дивизии. Командиру полка Ермакову С. А. с группой оставшихся в живых солдат удалось вырваться из рокового окружения.

Подполковник Ермаков. Я, и командир роты старший лейтенант Александров, объединили остатки нашего полка и провели его с тяжелыми боями до самой Керчи, и влились в подземную оборону Аджимушкайских каменоломен.

Капитан Барлит. Три армии Крымского фронта – 44-я, 47-я и 51-я стояли на Акмонайском перешейке опасно близко и скученно к передовой линии. И когда фашисты прорвали оборону, началось страшное! Уже в 10 километрах в тыл до Керчи было пустое пространство – никаких войск и укреплений, ни окопов, ни землянок, ни узлов противотанковой обороны, ни каких-либо армейских позиций – голая степь, где не за что зацепиться! Немецкие самолеты на бреющем полете расстреливали наши отходящие части. Люди гибли тысячами!

Старший лейтенант Александров. Медленно, с постоянными остановками, шло отступление к Керченскому проливу. Движение колонн совпало с проливным дождем, который начался еще 9 мая. Загруженность дороги и размягчение грунта вследствие ливня резко замедлили продвижение нашей армии. Боевая техника выходила из строя, ее просто бросали. Управление штаба 47-й армии выступило 11 мая в 3.00. Скоро из-за сильной грязи машины не смогли двигаться. Многие работники штаба вынуждены были бросить машины и идти пешком. 11 мая во второй половине дня погода немного улучшилась. Этим сразу воспользовалась фашистская авиация, которая начала бомбить и обстреливать из пулеметов отходящие шеренги солдат. Из-за бездорожья и бомбежек части двигались уже вне дорог и рассредоточивались повсюду. Все это приводило к нарушению установленного порядка движения, к подлинному распылению не только частей, но и мелких подразделений. В итоге, это привело к тягчайшим последствиям – движущая масса войск окончательно потеряла управление, начался хаос.

Лейтенант Светлосанов. Мы, солдаты 510-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона стояли у села Булганак, до последнего! Сбивали самолеты врага, и отбивали наземные танковые атаки. А когда оказались отрезанными от наших частей, в полном окружении, спустились вглубь Булганакских каменоломен и организовали сильное сопротивление.

Капитан Барлит. 14 мая во второй половине дня, танки и пехота противника прорвались к горе Митридат, которая возвышается над Керчью. Они также захватили Солдатскую Слободу, Бочарный завод и вышли к берегу Керченского пролива, отрезав наши части в районе Камыш-Буруна. Но наша 72-я кавалерийская дивизия вместе с 276-м стрелковым полком НКВД, перешли в атаку и выбили фашистов из Солдатской Слободы и с вершины горы Митридат.

Подполковник Ермаков. Мы закрывали переправу. Мы не знали, что там творится. Мы дали шанс спастись хоть кому-то...

Капитан Барлит. В порту скопилось огромное количество людей, которые всеми силами пытались переправиться на спасительный противоположный берег под непрерывными бомбардировками врага.

Безымянный рядовой. На берегу кипела лихорадочная работа. Шло в ход все, что могло держаться на воде. Из досок, из бочек сколачивались плоты, надували автомобильные камеры, плыли, держась за какое-нибудь бревно, мастерили себе немудреные надувные поплавки, набивая плащ-палатки соломой. Люди пускались вплавь, идя почти на верную смерть, на любой риск, лишь бы покинуть этот страшный берег смерти и попытаться добраться до своих. Но в Керченском проливе довольно сильное течение. Отдельных пловцов сносило течением в сторону так, что они уже не могли переплывать пролив в его самом узком месте. Хорошо, если плывущих прибывало к косе Тузла, с которой уже легко было перебраться на Таманский берег. Но часто течение увлекало людей в Черное море, где была их гибель, некоторых прибывало обратно к Керченскому полуострову. Несколько десятков таких пловцов даже прибило к мысу Ак-Бурун, где они были подобраны моряками КВМБ и на кораблях переправлены на Таман-

ский берег. Это были сотни и тысячи пловцов. Это были толпы плывущих, а над их головами низко, на бреющем полете, все время носились самолеты с черными крестами на крыльях и расстреливали людей из пулеметов. Вопли и стоны день и ночь стояли над проливом и над берегом...

Оперуполномоченный особого отдела 13-й отдельной стрелковой бригады Л. Г. Иванов. 17—18 мая противник прижал нас к берегу Керченского пролива. Я оказался за Керчью, в районе маяка. Велся непрерывный обстрел кромки берега, на котором находились толпы людей. Отдельные снаряды выкашивали целые отделения. Многие стрелялись, другие открыто выбрасывали партибилеты, кто-то срывал с себя петлицы. Там и тут, валялись останки – руки, головы, человеческие ноги.

Я задержал возле нас одного, второго, третьего из бегущих бойцов. Они залегли, стали отстреливаться. Вскоре возле нас залегло уже несколько десятков человек. Бег прекратился... Но силы были не равны, началась настоящая агония. В нашем распоряжении оставалась небольшая полоска берега в 200—300 метров. При появлении немецких цепей я встал за большой валун и решил застрелиться, чтобы не попасть в плен. В этот момент на небольшой высотке, совсем рядом, неожиданно появился здоровенный моряк в бушлате, брюках-клевш, бескозырке. Потрясая автоматом, он громко закричал: «Братцы! Славяне! Отгоним немцев! Вперед, за мной! Ура-а!» Наверное, никто не обратил бы на него внимание, но тут, рядом неизвестно откуда появился военный оркестр и заиграл «Интернационал». Все военнослужащие, здоровые и раненые, в едином порыве бросились на врага и отогнали его от берега...

Я случайно встретил в боевой цепи своего начальника Нойкина и получил задание возглавить переправу раненых на кубанский берег. На берегу уже скопились десятки тысяч военнослужащих, никакого управления людьми не было – каждый отвечал сам за себя.

С пирса было видно, что в морской воде находится большое количество трупов, почему-то они были в вертикальном положении. Кто был в шинели, кто в ватнике. Была небольшая волна, и создавалось впечатление, что они маршируют. Страшная картина. Многих она толкала на отчаянные поступки.

Направшую на пирс толпу приходилось сдерживать силами нескольких человек.

Переправа продолжалась 3—4 дня. 21 мая все было кончено. Противник вновь подошел близко к кромке берега. Ну, думаю, пора стреляться, лучше на пирсе... неожиданно подошла шхуна, пожилой капитан знал меня лично – три или четыре раза приходил за ранеными. – «молодой человек, – печально и спокойно сказал он мне – это последняя шхуна, больше не будет.» Я с трудом сел в шхуну, через несколько секунд противник открыл по нам прицельный огонь, несколько человек было убито.

Мне удалось заползти за какой-то судовой ящик и тем самым спастись. Полузатопленная, с большим креном, шхуна дошла все же до песчаной косы Чушки. До сих пор жалею, что не запомнил фамилию того героического капитана, спасшего сотни жизней, и в их числе мою...

Неизвестный матрос. Люди гибнут сотнями, тысячами. От обстрелов артиллерии и авиации укрыться невозможно. Надежды нет. Воздух стал огнем, земля – багровой. Синие волны Керченского пролива – густо красными от людской крови...

На высокой скале появляется фигура комиссара Мехлиса с хищным орлиным профилем лица, в распахнутой шинели, с наганом в руке.

Мехлис. Бои идут на окраинах Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать его к западу от Булганака.

Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей будет незначительной. Командный пункт переходит в Еникале. Будем биться до последнего. Авиация врага решила исход боя. Мы опозорили страну и должны быть прокляты!

АКТ 1

Сцена 1

Радиограмма командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова:
9 ч. 50 мин. 16.5.42 г. Командарму 44-й и полковнику Ягунову:

«1. Ваша задача обеспечить направление на Капканы – Еникале, прочно удерживать рубеж 78,8, зап. окраина Колонка.

2. В ваше подчинение передается отряд полковника Ягунова, действующий в районе Аджимушкой.

3. Уделите особое внимание правому флангу, где обстановка создается крайне тяжелой.

4. Отход и эвакуация вашего участка обороны по особому приказу...»

15 мая 1942 г. Блиндаж на позиции у поселка Аджимушкой. Слышна артиллерийская канонада, пулеметная и ружейная стрельба. Внутри блиндажа полковник Ягунов, комиссар Парахин, капитан Левицкий, наблюдают через амбразуры.

Ягунов. Только отбросили их, а судя по движению у дороги, скоро опять повалят... И сколько их еще на сегодня будет?

Парахин. Да их там тьма, роятся, лезут как саранча, огня бы нам побольше, смести эту заразу.

Ягунов. С огнем у нас, к сожалению, трудно. Против брони только ПТР-ы и гранаты.

Парахин. Зато у них и самолеты, и танки и артиллерия.

Ягунов. И, тем не менее, мы их успешно сдерживаем, прикрывая переправу.

Левицкий. Там тоже все в пламени. Весь горизонт черный. И город горит, и переправа. Бомбят с воздуха непрерывно. Наши зенитки не справляются, тонут в этих черных тучах бомбардировщиков. Настоящая бойня. Хоть бы уцелел кто, успел бы уйти на тот берег. Пекло адское...

Ягунов. Успеют. Главное нам здесь рубеж удержать. Тогда много жизней спасем. Сохраним силы для ответного удара.

Левицкий. Удержим. Фашисты уже в который раз захлебываются, оборону мы грамотно построили. Ну и каменоломни спасают. Удобная база для скрытого размещения и фуража и личного состава. И от обстрелов укрытия лучше не найдешь. Были бы просто в степи, исход был бы другой.

Парахин. С каменоломнями нам действительно повезло. Не зря там еще до наступления и штаб фронта располагался, и госпиталя. Место надежное. Никакие снаряды не берут. И авиация бесполезна. Слой камня над головой будь здоров. Если бы их еще обустроить получше – настоящая крепость получилась бы.

Ягунов. Никто не предполагал, что наше наступление обернется таким провалом. Планировали в это время уже по Севастопольским бульварам гулять. Никогда нельзя недооценивать врага, тем более немца. Были, конечно, у нас серьезные просчеты, но не до такой степени.

Парахин. В чем наша главная ошибка была, Павел Максимович, как вы считаете?

Ягунов. Понадеялись на успех наступления. Не учли возможность контрудара. А главное все три армии стояли недопустимо близко к передовой. Так кучно, что когда фашисты начали бомбить, потери были непоправимые, сплошные воронки могилы на месте целых соединений. И что самое прискорбное, в результате бомбардировок сразу была нарушена связь между штабами. Воинские части оказались парализованы. И соответственно где окружены, где просто смяты. Стандартная схема наступления. Одну армию надо было держать в резерве, в тылу. Тогда немцев остановили бы и возможно сами вновь перешли в наступление. Серьезных оборонительных сооружений не возводили вот и остались в голой степи один на один с пикирующими «мессерами». Народу полегло страшно даже посчитать. Вот наша задача сейчас, чтоб хоть что-то выровнять в этой ситуации.

Левицкий. Я от наших танкистов слышал, у немцев техника новая поступила, танки какие-то непростые и артиллерия дальнобойная с большим калибром. Вроде это и переломило ход боев на Акмонае.

Ягунов. И это тоже. Тут все вместе сработало. Подбор негативных факторов, один к одному, это как незаметное колесо большого механизма слетело и понеслось по цепи, все падать и ломаться. А у нас на курганах и зацепиться было не за что...

Парахин. Мы еще скажем свое слово фашистам. Они дорого заплатят. Отомстим за товарищей!

Ягунов. Отомстить отомстим, только мертвых уже не поднимешь... Ладно, нам сейчас о дне сегодняшнем надо думать. Что в окопах?

Левицкий. Я проверил. Потери незначительные. Там мои сейчас стоят, из резервного полка, люди проверенные. После атаки уже привели себя в порядок. К бою готовы.

Ягунов. Что на других участках?

Левицкий. У старшего лейтенанта Белова самое стабильное положение. Очень хорошо он все организовал. И фрицев потрепали тоже достойно. 5 танков подбили, уничтожили до 60 человек пехоты. Ну и оружие взяли.

Ягунов. Отлично.

Левицкий. А вот на северо-западном направлении пришлось отступить. Там был майор Галядкин с 1 —м Запасным полком. Они расположились у других каменоломен, местные их еврейскими называют. Они отошли ближе к штольням, но позиции держат.

Ягунов. Надо узнать подробнее, что там у них. Может усилить их участок нашими силами. Кстати, как у нас обстоят дела с подразделениями? Какие изменения?

Левицкий. Комплектуем ударные группы, из тех, кто есть, и из отступающих.

Парахин. У нас уже почти вся Красная Армия – все рода войск собрались. Хоть на парад на Красную Площадь, только техники не хватает.

Ягунов. Может когда-нибудь, и в Параде участие примем. В Параде Победы над Германией. Прошагают сводные батальоны из Аджимушкая.

Парахин. Да, было бы неплохо.

Левицкий. Парад это хорошо конечно, только вот боеспособность некоторых из них оставляет желать лучшего. Не для наших обстоятельств.

Ягунов. Что не так?

Левицкий. С пограничниками и морпехами нам просто повезло. За своих я тоже ручаюсь, народ опытный, многие ветераны гражданской войны, закаленные, испытанные в боях. Но остальные...

Парахин. В чем сомнения?

Левицкий. Курсанты молодые, зеленые... В новенькой парадной форме прибыли. Просто красавцы! Действительно только на площади и маршировать. А в бою никто не был. Здесь боевое крещение приняли. Ярославская авиационная школа и Воронежское училище радиосвязи. Просто «для нас», для наших полевых условий, для нашей мясорубки, как раз то, «что нужно». Летчики и связисты! Нет, чтоб нам артиллеристов дать или саперов. Так у нас еще и молодняк.

Дальше еще интересней. 65-й железнодорожный батальон, как минимум половина из них не проходила огневую подготовку. Стрелять не умеют... На винтовку смотрят как на чудо заморское. Зачем их к нам направили? Плыли бы себе спокойно на Кубань. Я все понимаю, что острая нехватка людей для обороны, но не в таком же виде. Каждый должен быть на своем месте. Их же перепашут всех, сравняют с землей. На нас вон какие псы матерые прут, посмотришь, ахнешь, поди какая-нибудь элита Вермахта. И у нас – юноши и строители. Плюс деморализованные группы, поступающие с разбитого фронта, из самого пекла... И масса местных, бесчисленная по галереям растеклась. Картина, на мой взгляд, не очень веселая.

Ягунов. (*хмуро*) Освоятся в бою! Я в Средней Азии тоже курсантом был, когда в первый серьезный переплет попал с басмачами. Ничего, быстро научился, что к чему. Война – лучший учитель. Здесь все усваиваешь в кратчайшие сроки и обстоятельно. Получаешь незаменимые навыки. Ничего лишнего.

Главное, каков человек внутри, на что он способен. Мощь оружия не всегда решает исход боя. Побеждают духом. И здесь ваша область, Иван Павлович. Ваше комиссарское слово. Только оно сможет зажечь то пламя непобедимого духа, которое нам сейчас необходимо. А в этом, насколько мне известно, Вам равных нет. Поэтому от Вас зависит очень много, не менее, чем от количества боеприпасов.

Парахин. Ну уж не такой я и особенный, таких как я много. А насчет политработы, не сомневайтесь, Павел Максимович, все сделаем, все сможем, чего и человек не может! Коммунисты мы или нет?

Зажгем, перекуем в монолитный кулак, и опрокинем фашистскую сволочь!

Левицкий. Хорошо бы...

Ягунов. А насчет необстрелянных частей вот что скажу. Распределите людей так, чтобы новички были с опытными солдатами. Железнодорожников приставьте к 95-му пограничному полку, курсантов к 83-й бригаде, к Панову, и так далее. Вот и получится крепкая оборона.

Левицкий. Есть!

Ягунов. А Вы, Иван Павлович, назначьте политруков по всем частям, и чтобы работа велась должным образом. Нам людей спаять надо.

В нашей ситуации сила оружия уже ничего не решает. Здесь будет другое противостояние. И без внутренней силы нам не победить.

Парахин. Понял, Павел Максимович! К нам примкнули остатки 276 стрелкового полка НКВД, несколько сотен. Они оказались пока не у дел. Их куда, на какое направление, с кем?

Ягунов. А вот их в тыл, или на вторую линию обороны, в вспомогательный состав. Я знаю, им досталось и в городе, и поселка Маяк. Пусть передохнут...

Парахин. Это с их опытом и навыками?

Ягунов. Я думаю, в ближайшем будущем, они нам пригодятся на другом фронте, и именно с «их опытом и навыками», Иван Павлович!

Парахин. Вы о чем?

Ягунов. Боевая обстановка меняется даже не в часы, а в минуты. Вы можете сказать, что произойдет через сутки? Что с нами будет, и где мы окажемся? Нет. На Тамани? Здесь? В катакомбах? Капитан верно описал разнородное состояние нашего сводного отряда. Мы, по сути, на mine стоим. Одно неправильное движение – и все! Нам нужна дисциплина. Строжайшая. Железный Порядок. Кто это сделает лучше всего, как не особый отдел?

Самый худший удар – это удар в спину. Паникеры, трусы, предатели растут в тени, проявляются внезапно и могут нанести непоправимый урон. Вот здесь нам и понадобится 276-й полк НКВД. Тыл должен быть надежен.

Возвращаться из боя, нам надо в безопасное место.

Парахин. Ясно. Не перестаю Вам удивляться, Павел Максимович! Вы видите наперед и просчитываете все возможные варианты. Недаром говорят, что Вы один из лучших стратегов.

Ягунов. Самый обычный. Все по учебнику и немного смекалки, обыкновенной солдатской. Война излишеств не терпит. Здесь все должно быть максимально ясно и просто. Я в смысле понимания ситуации. Конечно, с противником надо хитрить, выстраивать различные комбинации, но внутри должна прозрачность, четкое понимание того, что делаешь. Только так и можно выиграть.

Левицкий. Я вот все думаю, на Акмонае три армии не устояли, нас тут всего ничего. На нас такая махина прет, а мы держимся. Почему так?

Парахин. Может, сумели организовать лучше, может, люди у нас подобрались особенные, кто готов сражаться и не бежит с поля боя от первого выстрела. Война она тоже все на места расставляет, сразу становится понятно, кто человек, а кто жалкая тварь. Разберемся!

Ягунов. Положение у нас трудное, поэтому надо мобилизовать все свои силы, и внешние и внутренние. Быть бдительными, следить за всеми мелочами. Ошибиться нам нельзя, любой промах может обернуться катастрофой. А рубеж нам необходимо удержать любой ценой. За нами – тысячи жизней. Их надо спасти.

Парахин. Выстоим, спасем, сами в землю ляжем, но фашистскую нечисть не пропустим!

Сцена 2

Май 1942 г. Окопы в районе поселка Аджимушкой. Начальник обороны каменоломен на поверхности, старший лейтенант Николай Белов осматривает позиции в бинокль. К нему приближается молодой лейтенант.

Лейтенант. Товарищ старший лейтенант, лейтенант Ефремов в ваше распоряжение, для связи со штабом каменоломен, прибыл!

Белов. Вольно. Что ж хорошо. Нам каждый боец в помощь. Давно из училища?

Ефремов. Недавно.

Белов. Курсант?

Ефремов. Выпускник.

Белов. Что закончил?

Ефремов. Ташкентское пехотное училище.

Белов. Далековато.

Ефремов. Страна большая. Фронт один.

Белов. В бою был?

Ефремов. Пока нет.

Белов. Ничего, еще нахлебаешься, досыта.

Ефремов. Да я уж чувствую, горячо придется, все полыхает кругом.

Белов. Ага, и весна нынче жаркая, лето видимо такое же предстоит. Урожая будет мало. Я никогда не думал, что окажусь на войне. Я человек абсолютно мирный. Вот когда я работал директором совхоза, у нас такие показатели были, закачаешься. Совхоз «Красный» в Симферополе. Мне даже золотую медаль дали в 37-м году на сельхоз выставке. Хорошие времена были. Светлые.

Ефремов. Медаль та, что на груди у Вас?

Белов. Верно, она самая. Горжусь, это действительно достижение.

Война кончится, хочу вырастить овес с совершенно голым зерном. Есть мысли. Должно получиться.

Война это так... дело временное. Как болезнь. Рано или поздно все равно проходит. А вот мирный труд – это совсем другое, это гораздо важнее и требует особого подхода и внимания.

Ефремов. ... Ну мы вроде, не на сенокосе сейчас, надо наверно о военных нуждах думать.

Белов. А что о них думать? Тут все просто. И расставлено по своим местам так, что немец ничего не заметит, напорется на наши грабли так, что искры из глаз посыпятся...

На найди впереди наши «секреты»...

Белов протягивает бинокль курсанту.

Ефремов. Вижу, южнее 20 градусов, прямо 15 и восточнее 35.

Белов. *(улыбаясь)* Молодец! Это приманки, ложные...

А настоящие вон там у воронки видишь? Севернее у обгорелой балки и у сгоревшей техники. Никто бы и не подумал. Ну как тебе совхозное хозяйство, лейтенант?

Ефремов. Впечатляет...

Белов. Тогда, чтоб не скучать. Возьми на себя левый фланг. Там кстати, еще и сорокопятка пушечка имеется. У нас артиллерия большая редкость, можно сказать экзотический фрукт. И распорядиться им надо в самый ответственный момент. Иди туда и попробуй применить теорию на практике. Будешь за старшего. Там офицеров нет. И поторопись, фрицы уже вон заволновались, дымят на горизонте. Скоро полезут.

И помни – держать рубеж любой ценой. Справишься?

Ефремов. Так точно.

Только лейтенант добирается до указанного расположения, как начинается минометный обстрел. Потом появляются фашистские танки и пехота. Завязывается упорный бой. Два танка горят. Пушка разбита прямым попаданием снаряда. Третий танк, маневрируя, и прикрываясь клубами дыма, движется между сопок, заходя во фланг советских позиций. Ефремов берет из ящика две противотанковых гранаты и ползет наперерез... Черное тело стального монстра становится все больше, застилая небо.

Ефремов, выждав удобный момент, бросает гранату. Взрыв оглушает. Танк замирает на месте, вращая башней. Ефремов бросает вторую. Мир закрывает вздыбившаяся огнем земля.

Ефремов, откатившись в окоп, и приходя в себя, видит, как пехотинцы «срезают» выскакивающих из подбитой машины горящих немецких танкистов. Откуда-то слышится окрик, лейтенант оборачивается, смотрит по сторонам, не понимая. И тут обрушивается серия взрывов. Ефремова бросает на бруствер, потом вниз и засыпает комьями земли.

Через какое-то время раздается знакомый голос сверху.

Белов. Ну что, жив курсант?

Ефремов. *(откапываясь)* Так точно.

Белов. Ну давай вылазь, герой! Молодчина, танк запалил, одно загляденье. Отличное начало для первого боя. Давай помогу!

Ефремов. Да я сам. Уже почти все.

Белов. Давай, давай, вот так-то лучше.

Ефремов. Где немцы?

Белов. Откатились. С заметным постоянством получают обухом по голове и уходят... Никак не понимают, что здесь им совсем не рады. Все прут и прут.

Но оборону нашу тоже помяли. Мы ее восстановим, конечно. Но сейчас другое. Фрицы подтягивают тяжелую артиллерию, увеличивают минометные расчеты. Нам отвечать уже почти нечем. Даже гранат не осталось. До вечера мы еще стоим. А ночью надо менять позиции или уходить под землю. Иначе нас просто перепашут с землей и железом. Поэтому иди в «Скалу» и доложи обо всем Ягунову.

Ефремов. Есть!

Белов. И поосторожней. Бой утих, но немец постреливает. Снайперы появились, так что сильно не высывайся.

Ефремов. Понял, дойду...

Белов. Ты в порядке, бледный весь и смотришь мимо?

Ефремов. Голова гудит.

Белов. Контузило?

Ефремов. Не знаю. Пройдет... Пошел я, успеть надо.

Белов. Смотри аккуратней.

Ефремов. Спасибо, скоро увидимся!

Сцена 3

16 мая 1942 г. Район поселка Аджимушкой. Наступление немцев на позиции 95-го погранотряда и 65-го железнодорожного батальона. Массированный огонь артиллерии, треск стрелкового оружия. Сквозь густой дым видны контуры приближающихся фашистских танков.

Пограничника лейтенанта подбрасывает взрывной волной, из укрытия, разворачивая окоп. К нему подползает медсестра, перевязывает правую руку, грудь и ногу. Потом, где волоком на плащ-палатке, где навалив раненного на себя, тащит в тыл, к каменоломням. Над головой свист пуль, разрывы мин.

Лейтенант. И куда ж, Ты меня волокешь, сестричка? Я еще могу воевать, верни меня назад к своим. Я командовать должен, бой вести. У меня там люди остались.

Медсестра. Молчи!

Лейтенант. *(со стоном)* Да что ж Ты упрямая такая?

Медсестра. У тебя раны опасные, нам бы до катакомб дотянуть. Удивляюсь, как ты еще говорить можешь, пригнись!

Ухает взрыв мины, накрывая их землей.

Лейтенант. Да я все могу! Раны пустяковые. Я чувствую. Осколками посекло малость... Там немец прет, мне туда...

Медсестра. Пустяковые? Из тебя крови вытекло больше, чем в организме было. Как ты еще шевелишься и лопочешь.

Лейтенант. А у меня ее с запасом. Как магазин к автомату! Могу тебе одолжить!

Медсестра. Шути, шути... шутишь, значит выживешь.

Лейтенант. Да я помирать не собираюсь, еще как минимум лет 50. Вот еще к тебе приглажусь, может и предложение сделаю... Ты и красивая, и боевая. Мне такие нравятся.

Медсестра. Хорошо. До лазарета доберемся, там приглядывайся. Гусар! Не умирай только. Еще немного... А сейчас помолчи, силы теряешь.

Лейтенант. Я не теряю, я такую ярость чувствую к фрицам...

Их снова накрывает взрывами, они скатываются в яму. Лейтенант теряет сознание, потом вновь приходит в себя.

Медсестра. Жив, герой любовник?

Лейтенант. Да, куда я денусь? Черт... *(стонет от боли)* не могу сдвинуться...

Невдалеке доносится лающая речь немцев.

Лейтенант. У тебя оружие есть?

Медсестра. Нет.

Лейтенант. У меня в кобуре наган. Стреляешь хорошо?

Медсестра. Не доводилось никогда.

Лейтенант. Отлично, приехали...

Медсестра. Я справлюсь.

Вынимает пистолет и осторожно ползет наверх брестера.

Лейтенант. Оставь, лучше я сам!

Медсестра. Да тише Ты... Замолчишь Ты сегодня или нет? Они рядом.

Группа немецких солдат, отделившись от бронемашины, рассеивается цепью и движется в их сторону.

Медсестра с замиранием сердца взводит курок, оглядывается на лейтенанта.

Да каменоломен им не успеть, даже если здоровым бегом.

Остается только принять последний бой.

Лейтенант. Ну что там?

Медсестра. Немцы! К нам идут...

Лейтенант. Много?

Медсестра. Достаточно, чтоб свадьбы у нас не было! Похоже, осталось времени только на прощальный танец с одним пистолетом...

Лейтенант. Гранаты ж у меня были... Черт! В окопе все осталось. Приподними меня, чего-нибудь придумаем!

Медсестра. Думать уже нечего! Я попробую, их отвлеку, а ты мертвым притворись. Может, повезет, выживешь!

Лейтенант. Да Ты, за кого меня принимаешь? Чтоб я прятался, а Ты собой меня закрывала? Умирала за меня? Никогда! Я сейчас...

Пытается подняться, со стоном опускается.

Медсестра. Ты ранен. Сражаться не в состоянии. Зачем умирать так глупо? Выживешь – отомстишь!

Лейтенант. Даже не думай! Вместе бой дадим. Подвинь меня ближе. Я хоть Тебе скажу что делать. Как лучше огонь вести. А наши где?

Медсестра. Наши далеко. Никто не успеет, если и заметит. Лежи Ты, а то зацепит...

Лейтенант. Уж поцепляло, где только можно. Да все без толку! Жив я и еще повоюю!

Медсестра. *(вытирая испарину со лба, и вцепившись в револьвер)*. Никогда не думала о смерти серьезно... Казалось что далеко всегда! А тут раз так внезапно и она прямо перед тобой... Совсем не страшно, только провал внутри какой-то черный...

Лейтенант. Так, что мы можем сделать... У меня еще есть нож в сапоге, хоть одного прирежу... Просто так не умру!

Медсестра. Приготовься! Ближе они уже... Прямо на нас шагают. Все железом увешанные, и морды все перекошенные!

Лейтенант. Беги, пока можно, я их задержу! По воронкам и рытвинам, скроешься, а там уже и до катакомб рукой подать...

Медсестра. *(усмехаясь)* Ты за кого меня принимаешь? Чтоб я солдата бросила? Раненого? Ну, Ты даешь, лейтенант! Просто разочаровываешь меня...

Лейтенант. Сама говорила, глупо вот так погибать. Я может, уже и не выживу, из-за ран своих, а Тебе еще жить да жить! Молодая ж совсем...

Медсестра. Мы все здесь молодые. Ты же жить собирался, уже передумал?

Лейтенант. Это мое дело! Давай дуй в штольни, не дури! Это приказ!

Медсестра. Ух ты! Раскомандовался! У меня свои командиры. Да и по званию мы с тобой равные! Так что лежи тихо...

Лейтенант. Да откуда ж ты такая упрямая взялась? Это же невозможно! Просто тигр, а не женщина! Ох, не завидую я твоему мужу! Ты ж его допечешь совсем своей упертостью!

Медсестра. До мужа вряд ли дойдет... Судя по той бравой немецкой пехоте!

Лейтенант. Сестричка! Милая, родненькая! Уходи! Если хочешь что-то для меня сделать – пробивайся к нашим, спасайся! Если я буду знать, что Ты осталась жива, это будем самое лучшее для меня. Правда!

Медсестра. Нет, дорогой мой! Не отступлю я! Видимо судьба у нас такая...

Неожиданно сбоку по фашистам бьет пулемет. Кто-то из них падает, кто-то залегает в траву.

Медсестра скатывается вниз.

Медсестра. Так, давай, женишок, ходу... Пока чуток времени есть. Мне еще на позиции вернуться надо!

Она подхватывает раненого и тащит сквозь дым и огонь, к черному зеву входа в катакомбы. Через какое-то время, у обугленных изломанных скал, их встречают, подхватывают несколько человек в форме НКВД.

Медсестра. Принимайте товарища лейтенанта! Срочно несите его в госпиталь к Асееву! Необходима операция. Каждая минута дорога!

Один из бойцов. Ты откуда такая смелая? Как звать то?

Медсестра. Вера Ивлева, военфельдшер. 65 железнодорожный батальон!

Сцена 4

Май 1942 г. Район поселка Аджимушкой. Дымящиеся окопы после очередной фашистской атаки. Капитан Левицкий и политрук Исаков приводят себя в порядок, отряхиваются от земли и пыли, осматривают оружие и позиции.

Левицкий. Ну все... откатились твари, вторая атака за сегодня! Автомат надо почистить, затвор заедает.

Исаков. У меня вроде ничего, ревет как зверь, без сбоев.

Левицкий. Что думаешь, Сергей, о нашем положении?

Исаков. *(с легкой иронией)* Специфично.

Левицкий. А конкретней?

Исаков. Стихийная оборона, без авиационной и артиллерийской поддержки, случайные армейские подразделения, не успевшие отступить к проливу, и смешанные в одно соединение. Возможно, нам пока везет.

Левицкий. Ну на войне по учебнику не бывает...

Исаков. Да это понятно. Вопрос в том, что вообще сейчас творится на нашем керченском плацдарме, и что будет в организации и планировании дальнейших действий.

Удастся ли нам, уйти на Тамань, после переправы войск?

Третьи сутки атаки отбиваем. Немцы уже в клещи берут. Из штаба фронта никаких вестей, ни одного распоряжения, ни корректирующего, ни по изменениям обороны, ни по срокам. Ничего. Гробовая тишина!

В порту и в городе неизвестно что. Зарево и взрывы. Где еще, наши остались? Полная неразбериха. Как бы нас не забыли в суматохе такой.

Левицкий. Уйдем под землю, там целый город укрыть можно.

Исаков. И долго мы там протянем?

Левицкий. От нас зависит. Задача нам поставлена, мы ее выполняем. В чем сомнения?

Исаков. Да я уже говорил. Меня смущает «солянка» из всех родов войск. По-моему все есть, кого я видел, даже кавалерия и железнодорожники. В таких условиях, как у нас, с одной воинской частью, понесшей потери, бывают проблемы, а здесь кого только нет, включая курсантов и гражданских. Плюс большое количество «шатающихся» неучтенных непонятных групп. Это же настоящая пороховая бочка! Смятение, паника и рванет так, что мало не покажется...

При нашей нестабильной фронтовой обстановке, когда батальоны бегут к морю и гибнут, и это все на глазах у наших солдат, невольно как-то становится тревожно.

Левицкий. Ситуация конечно сложная, но не фатальная.

Курсанты сражаются весьма достойно. Гражданские помогают. Паникеров и трусов пока не видно. Так что выстоим мы на этом рубеже. Нам только дать время нашим войскам перегруппироваться и нанести удар. Успех немцев временный, подобное было уже в 41-м. А партийная стойкость духа – это твоя епархия, товарищ комиссар!

Исаков. Это ясно. Мы, все политработники уже включились. Делаем все возможное... Людей необходимо сплотить, слить в единый монолит, тогда нас ничто не возьмет, ни какое лихо фашистское.

Левицкий. Под огнем все быстро сплотятся, если наши настоящие советские. А чуждый элемент сразу раскроется, с нами долго не простоит. Так что при любом раскладе, у нас уже грозная сила собирается.

Исаков. Сила это хорошо, но не все решается силой. Нам тактика нужна здесь особая. Здесь все обычные представления о войне начинают ломаться. Мы на пороге чего-то нового и крайне опасного. Ошибиться нельзя, ни в одной мелочи.

И немцев надо обмануть так, чтобы у них уже не было времени на понимание того, что происходит. Что-нибудь нужно придумать, неординарное, из ряда вон... Устроить такую ловушку, чтобы они завязли как в болоте. И не было бы у них выхода. В крайнем случае, патовую ситуацию держать до прихода своих, и держать фрицев в страхе и напряжении.

Левицкий. Это дело. Надо будет обсудить с Ягуновым и Парахиным.

Сцена 5

Май 1942 г. Военные с усталыми хмурыми лицами спускаются длинными шеренгами в каменоломни. За ними идет гражданское население, унося с собой домашний скарб, какой только можно взять. Ведут за собой даже домашних животных – коров, собак, овец, коз и прочих. Живая река стекает во тьму катакомб...

21 мая. Штаб под землей, оборудованный в небольшом отсеке. Стены затянуты белой тканью, отчего помещение кажется более просторным. С потолка свисает несколько мутно-желтых электрических лампочек. Посередине большой стол, за которым собрались старшие офицеры.

Ягунов. Товарищи! Обстановка такова, что наши части с тяжелыми боями, вынуждены были оставить Керченский полуостров и эвакуироваться на Тамань. Последние суда уходят на правый берег. Возможно, переправа уже закончена.

Поставленную нам задачу мы выполнили. Мы остановили противника, задержали его на несколько суток у поселка Аджимушкой, дав тем самым возможность нашим войскам переправиться на Кубань.

Но мы сами оказались отрезаны от основных сил, и попали в окружение.

Сейчас под землей находится около 20 тысяч человек, включая гражданское население. Нам необходимо принять коллегиальное решение о наших дальнейших действиях.

Я готов выслушать все предложения.

Верушкин. Пока немцы не поняли, что к чему, кто мы, сколько нас, и пока у них не сложилась четкая линия обороны, предлагаю нанести сокрушительный удар, идти на прорыв к проливу, и переправляться собственными силами.

Парахин. А раненые? Их сотни... Как быть с ними?

Верушкин. Подумаем как взять с собой. Главное – прорваться... Здесь мы загнаны в угол, мы в каменной ловушке. Когда немцы повернут и обрушат всю свою мощь на нас – не останется ни раненых, ни живых.

Остаться здесь нельзя, с каждым часом мы теряем преимущество. Если не выйдем в ближайшее время – все погибнем.

Бурмин. Не сильно ли пессимистично, товарищ полковник?

Стены крепкие, даже строить ничего не надо – «природные доты», еще и каменные. Не зря, уже в критические дни, здесь размещался штаб Крымского фронта, склады и госпитали. Мы надежно скрыты от обстрелов.

Все попытки штурма каменоломен обернулись для фашистов полным провалом. Немцы боятся нас, не смеют даже сунуться в штольни...

Верушкин. Это пока. Они вряд ли сюда полезут, они поняли, что попытки проникновения в катакомбы, оборачиваются для них большими потерями. Они сделают другое. Они возьмут нас в плотное кольцо блокады. Это они умеют. На это им сил хватит. Потом придумают что-нибудь еще. Враг у нас умный и коварный. Это надо учитывать. Мы лишены какой-либо маневренности. По сути, мы в тупике. Мы в полной изоляции, причем специфической, подземной.

И сколько мы сможем продержаться?

С оружием и боеприпасами у нас не ахти...

С продовольствием, насколько мне известно, тоже не ресторан «Абхазия».

Но самое опасное сейчас то, что в каменоломнях нет источников воды.

Два колодца на поверхности, на нейтральной полосе. Это значит, с учетом того, что фашисты теснят нас все дальше в «Скалу», что с каждым днем вода будет доставаться очень дорогой ценой. И неизвестно, сколько мы еще сможем с боями брать воду с наружных колодцев. И что тогда?

Далее. Галереи освещены только главные, основная масса людей останется в полной темноте. К тому же здесь всегда низкая температура, постоянный холод и сырость.

Ну и как воевать в таких условиях?

Бурмин. Воевать можно в любых условиях, если подойти с умом, на войне комфорта не бывает...

Ягунов. Кто еще что думает?

Панов. Я тоже считаю, что оставаться под землей, бесперспективно и опасно. И вряд ли мы сможем пробиться к проливу. Кольцо вокруг нас уже достаточно плотное, много бронетехники и артиллерии стянуто. И Федор Алексеевич прав, немцы с каждым днем, если не с каждым часом перебрасывают в наш район свежие войска и все больше затягивают удавку. Разведчики уже видели части «СС» и какие-то элитные саперные подразделения, что говорит о серьезности намерений противника. Это и понятно – близость к пограничной зоне пролива.

А вот западное направление сейчас гораздо слабее. Я предлагаю уходить в Крымские леса, к партизанам.

Парахин. До партизан 120 километров по вражеской территории. Майские ночи короткие. В голой степи такая масса народа как у нас, станет отличной мишенью... Это будет массовый расстрел, подобный тому, что случилось при отступлении наших войск. И сколько дойдет? Сотня, десяток?

Панов. Жертвы в любом случае будут, хоть в поле, хоть здесь...

Левицкий. Но в степи на полностью открытом пространстве, мы действительно все ляжем... Куда ни пойдешь – везде стена.

Парахин. Безвыходных ситуаций не бывает. Любая задача имеет решение.

Левицкий. А что со связью с Большой землей? Может вызвать подмогу?

Парахин. Связи пока нет. Радисты запрашивают, но нам не отвечают. Сменились коды и шифры. Очевидно считают, что это провокация, ловушка.

Связь нам необходима. Будем работать, думать, как ее установить.

Левицкий. Если бы нас услышали, было бы значительно легче принять решение, в свете общей фронтовой обстановки.

Панов. Нам нельзя долго ждать. Ситуация меняется в часы. Нужны решительные действия, пока противник не опомнился. Опять же здесь я разделяю мнение Федора Алексеевича. В любом случае, надо выбираться и искать оптимальный выход, как это сделать.

Парахин. А нужен ли этот выход? Мы думаем о том, как себя спасти, или о том, как нанести врагу максимальный урон? Положение у нас исключительное, во всех смыслах. Да, мы оказались в небывало тяжелых условиях, но эти трудности поправимы, если подойти к ним с должными усилиями и вниманием. А то, что нас несколько тысяч с оружием в руках, оказались в тылу фашистов, это тоже говорит о многом.

Мы можем принести пользу Родине именно здесь, день и ночь уничтожая ненавистного врага. Облегчить положение на фронте нашим, оттянуть часть немецких войск на себя.

Бурмин. Я согласен с Иваном Павловичем. Я думаю, не надо никуда прорываться. Любой прорыв будет сопряжен с большими потерями в личном составе и исход его неизвестен. Если говорить о переправе через пролив, у нас нет надежных плавсредств и под огнем береговых батарей и авиации, от нас ничего не останется.

Разумнее и эффективнее создать Подземную Крепость... Для немцев это будет полной неожиданностью. Они считают, что мы обречены, и будем только и делать, что пытаться вырваться отсюда. Вот мы и преподнесем им настоящий сюрприз. Они и так уже нас боятся.

Необходимо создать надежную систему защиты, на входах по периметру оборудовать пулеметные гнезда, расставить мины, ловушки, определить места дозоров и постоянные наблюдательные пункты. Методично выходить на поверхность и атаковать. Недостающее оружие и продукты можно брать в бою.

Нас тысячи. Представители, наверно всех родов войск, каждый с уникальным боевым опытом, которых можно свести в небывалое единое мобильное воинское соединение. Организовать службы тыла, диверсионные группы, наладить радиосвязь.

Надо использовать создавшиеся, как кажется безнадежные обстоятельства для непрямой борьбы с оккупантами. Если посмотреть под другим углом, на наше, казалось бы, безысходное положение, можно найти много преимуществ именно в вопросах тактики.

Я уверен, мы сможем немца изрядно потрепать. И опять же сохранить людей, под каменным укрытием, а не на открытых участках в степи, совершая броски и «прорывы», не располагая информацией об особенностях обороны противника и его численности. Даже сейчас понятно, что вокруг нас скопились значительные силы и пробить этот заслон будет очень сложно. Поэтому у нас есть шанс достойно продолжать сражаться.

К тому же вряд ли мы будем здесь долго. Наша армия перейдет в наступление, и мы, в тылу, окажемся как нельзя кстати.

Парахин. Несомненно. Наш долг – бить врага, и использовать все средства и возможности. А идея подземной цитадели, сильного очага сопротивления в расположении войск Вермахта, очень даже привлекательна и вполне осуществима.

Верушкин. Крепости изжили себя еще в 17 веке...

Бурмин. Но хорошо показали себя в Испании в 38-м!

Гарнизон под прикрытием неприступных стен, выходит, когда враг его не ждет, наносит стремительный мощный удар и возвращается под защиту своих бастионов. В нашем случае еще лучше. Мы появляемся буквально из под земли, когда и где – предугадать нельзя. Здесь ходов великое множество. Бьем противника и растворяемся в темноте подземелья. То, что фашисты считают каменной западней, может превратиться для них в неуловимую крепость, серьезную

проблему, в кошмарный сон. Если все хорошо организовать, мы можем стать очень грозной силой.

Ягунов. В 1941 году здесь действовал небольшой партизанский отряд, всего около сотни человек. И действовал весьма эффективно. А когда высадился наш десант, они ударили немцам в спину. Мы можем все это повторить. И нас в разы больше и удар по врагу будет значительно мощнее, чем в 41-м. Мы можем сильно помочь успеху предстоящего десанта.

С трудностями быта я думаю, справимся. На Акмонайских позициях, под проливными дождями, в окопах, в грязи, с перебоями питания, тоже не санаторий был. Ничего, выстояли...

Местные помогут освоить катакомбы.

Предложение нашего комиссара и товарища Бурмина мне нравится. Наша задача – перемалывать силы врага, пока есть возможность.

К тому же приказа на отход у нас не было.

Попробуем установить связь с керченским подпольем, с Большой землей, будем действовать сообща.

Верушкин. Да поймите же вы, товарищи дорогие, что в той сложившейся стратегической обстановке, десанта не будет, ни через неделю, ни через месяц. Может и в течении года на наш берег никто не высадится. Гляньте на карту, вспомните последние сводки. Крымский фронт разгромлен, обстановка на всех участках фронтов крайне нестабильная. О каком десанте может идти речь? Нам бы эти позиции удержать... Последние донесения были очень тревожными. На данный момент, на нашем направлении, у армии нет сил для наступления. Тем более для серьезного броска через пролив. Это же очевидно.

А у нас физически не хватает никаких сил сражаться в полной изоляции, без еды и воды...

Нас уже «не слышат» в радиоэфире, или считают погибшими, или пропавшими, или еще невесть что.

Единственная возможность для продолжения борьбы – прорыв, чем быстрее, тем лучше, и соединение с регулярной армией.

Еще неизвестно до чего немцы додумаются.

Парахин. Ну на фронтах не все уж так плохо. Под Харьковом у нас успехи. Под Ростовом положение стабильное. Готовится наступление под Ржевом и Ленинградом. И мы остались не в изоляции – в Крыму мы не одни. Севастополь уже сколько сражается в окружении, и помощь ему оказывается. Мы можем создать подобный оборонительный рубеж и добавить фашистам головной боли. Не говоря уже об уроне, который мы им можем нанести в живой силе и технике. Нельзя упускать такую возможность. Я бы даже сказал, уходить отсюда – просто военное преступление.

Бурмин. Каменоломни большие, разветвленные и запутанные. Это нам на руку. Стены крепкие, как броня танка! Так, что, я думаю, мы вполне можем выиграть этот бой!

Парахин. Я беседовал с личным составом, солдаты готовы биться до последнего вздоха. Сомневающимся и колеблющимся очень мало. Я считаю, надо формировать Подземный Гарнизон.

Ягунов. *(задумчиво)* Что ж... С учетом всех мнений, будем действовать так.

Попытаемся прорваться к проливу. На берегу, по радиации, вызовем наши суда. От катакомб до моря сделаем коридор, через который вынесем раненых, выведем гражданских. А также слабо боеспособные части. В случае успеха, всех их эвакуируем на Тамань. В каменоломнях

останутся наиболее стойкие и испытанные в боях. Я думаю, это будут моряки-пехотинцы 83-й бригады, пограничники 95-го полка, солдаты 276-го полка НКВД, группа Бурмина и политработники.

Под землей еще никто не воевал, в этом есть момент непредсказуемости и неопределенности для врага. Иван Павлович и товарищ Бурмин правы, мы не должны упускать шанс ведения войны в тылу противника, тем более в непосредственной близости к береговым укреплениям. Все согласны? Проголосуем!

Присутствующие поднимают руки.

Ягунов. Вот и отлично. Почти единогласно.

Итак, надо подготовить приказ о создании полка обороны Аджимушкайских каменоломен имени товарища Сталина.

Парахин. Хорошо, Павел Максимович!

Ягунов. Исходя из предварительно имеющихся данных о численности, весь личный состав разделить на 4 батальона. 3 базовых, один охранный. Распорядок дня установить обычный для воинского соединения, без каких либо поблажек и скидок на условия подземелья. Особое внимание уделить занятиям по тактике и политической работе. Следить за дисциплиной. За малейшее нарушение – судить со всей строгостью, по законам военного времени.

Гражданских закрепить также на постоянное место пребывания. Никаких вольных хождений и перемещений. Расставить караулы. Территорию патрулировать. Установить систему паролей и пропусков. Быть бдительными, пресекать все попытки проникновения подрывных и подозрительных элементов под видом мирного населения. Организовать трибунал и особый отдел. Усилить охрану входов.

Детали обговорим в личном порядке.

Бурмин. Ну все, скоро запоет немчура похоронные песни, эх дадим мы им жару!

Панов. На море воевали, на суше воевали, в воздухе тоже доводилось, теперь и под землей повоюем...

Левицкий. Ну если с умом, оно везде можно.

Верушкин. Если прорыв удастся, я все же останусь с вами.

Ягунов. Разве это «разумно»?

Верушкин. Вы меня совсем не поняли. Я за людей беспокоюсь, не за себя.

Мое место здесь. Я от опасности никогда не бегал. Да и вдруг вам пригодится полковник химических войск.

Бурмин. *(протягивая руку)* Нам все пригодятся Федор Алексеевич, кто готов фрица бить... в любых условиях!

Сводка Совинформбюро от 23.05.1942 г.

«...В течение 23 мая на Харьковском направлении наши войска закреплялись на занимаемых рубежах, отбивали контратаки пехоты и танков противника и на некоторых участ-

ках вели наступательные бои. На Изюм-Барвенковском направлении происходили упорные бои, в ходе которых наши войска отбивали атаки противника и наносили контрудары по войскам противника.

*По приказу Советского Главного Командования **наши войска оставили Керченский полуостров. Войска и материальная часть эвакуированы. Эвакуация проведена в полном порядке.***»

Сцена 6

Май 1942 г. Каменоломни. Ночь. У выхода из катакомб расположилась группа советских солдат. Отсветы осветительных ракет выхватывают из темноты силуэт колодца, который похож на скорбное надгробие... Рядом валяются помятые котелки, простреленные ведра, фрагменты амуниции. Земля усеяна стрелянными гильзами. Вокруг камни выщерблены следами от пуль. Впереди, словно ошетилившийся зверь, колыхается бескрайняя степь.

Панов. Ну что, хлопчики, сходим за водичкой?

Трофименко. А почему бы и нет? Свежо, хорошо, ветерок с моря дует, погодка только для прогулок. Заодно фрицу в зубы дадим!

Панов. Хорошенько в зубы они попозже получат. У нас сегодня другие цели. Значит так, повторяю приказ еще раз. Моя группа выходит во фланг противнику, завязывает бой, отвлекает, прикрывает огнем. Задача второй группы – набрать максимальное количество ведер воды и соответственно доставить в каменоломни. Положение с ранеными критическое. Поэтому с пустыми руками не приходим. Берем воду любой ценой! Все ясно?

Солдаты. Так точно!

Панов. Вот фашист сейчас притихнет, уснет малость, тогда и пойдем. Еще раз всем проверить оружие!

Трофименко. Задача с водой, стала уже повседневной. Плохо, что колодец на поверхности. Испокон веков камень резали, неужели не могли колодцы в катакомбах вырыть? Разработка постоянно была, никогда не затихала. Каменоломни огромные, а воды внутри нет. Очень странно!

Панов. Да кто ж знал, что здесь воевать придется в блокадных условиях! Не было необходимости.

Трофименко. Так и для мирного времени, крайне неудобно. Камнерезам бегать из глубины штолен на поверхность. Нельзя было там колодцы пробить что ли? Все равно же породу вырезали. Вся земля изрыта, до 20 метров вглубь, а колодцев нет. Непонятно.

Панов. Может нет там воды и не было. Камень один. Или водоносный слой глубоко и недоступно. Поэтому и осталась лабиринтом каменным пустыня безводная...

Трофименко. Мне тут один сторожил, легенду рассказывал. Про Подземный Храм с бассейном. И в нем лечилась знать древнего Пантикапея. И что был этот храм глубоко под землей, за самыми выработками.

Панов. Да мало ли что насочиняют? В любом месте есть свои сказки, да легенды, и что всему верить? Зачем строить храм в недрах земных? Смысл?

Трофименко. Может сила особая была, целительная! И чтоб никто другой не добрался, а только каста избранных.

Панов. Брехня. Уж сильно мудрено и неправдоподобно! Тут два моря под боком, воздух, солнце – лечись, службы религиозные справляй, сколько душе угодно, зачем под землю лезть? Еще и неведомо куда? Туда, где рабы камень режут?

Трофименко. А вдруг правда?

Панов. Ну коли так, где он сейчас? Курган царский – вон перед глазами, базилики, да руины разные античные в Керчи на Митридате красуются! А храм твой водяной где?

Все излазили под землей, нет воды и намеков на какие-нибудь древние постройки. Ни колонн, ни зверюг мифических, ни узоров там всяких эпичных, запутанных. Ни черепков и утвари прочей! Одни каторжанские надписи да рисунки на стенах, еще бывает и похабного характера. И все...

Если и был, так или в землю сам ушел, или под большим завалом лежит. И уже давно. Но я в эти байки все равно не верю!

Трофименко. В самой глубине катакомб мы не были. Там дальше то что?

Панов. Да что бы ни было, нам и этого достаточно! И так под землю порядочно забрались. А ниже – что? Тупики одни. И воздуха меньше, что еле дышишь. Там вообще никакой жизнью не пахнет...

Трофименко. Вот если бы найти его, тогда проблему бы с водой сразу решили!

Панов. Проще Жар-Птицу поймать, или Сивку-Бурку какую-нибудь! Увы, вокруг нас лишь прожженный горький камень!

Трофименко. А с другими подземельями наши катакомбы сообщаются? Говорят, тут все каменоломнями изрыто, от самого Акмоная!

Панов. Наша система замкнутая. А по побережью всего навалом, тут годами можно исследовать, весь этот подземный комплекс.

Недалеко от нас каменоломни, там тоже наши бойцы остались, сражаются. Если не ошибаюсь, там сейчас старший лейтенант Поважный был, из нашей 83-й бригады морской пехоты, и казаки 72-й кавалерийской дивизии, лихие ребята! Я их видел в бою, загляденье! Будем устанавливать с ними связь. Подземных лазеек к ним нет. Только по поверхности. А там немцы уже обложили все – и окопы, и доты, и поля минные, и прочие «прелести»! Ну что-нибудь придумаем!

Трофименко. Было бы неплохо объединиться! Тем более, там наши морпехи есть. Может у них с водой, да с продуктами получше...

Панов. Вряд ли... Думаю все как у нас. Такая же стихийная оборона. Также держали рубеж наверху, а потом под землю ушли.

Трофименко. Может и еще, наши, где есть?

Панов. Не исключено! Тут все в катакомбах. Кто в окружение попал и переправиться не успел, вполне могли, также как и мы, подземный фронт создать. Только малым числом, не как наше воинство.

Трофименко. Значит не одни мы здесь!

Панов. Выходит так... За каждым камнем фрицев смерть ждет!

Трофименко. Ну мы им устроим здесь парк аттракционов! Покрутятся на славу!

Панов. Они еще не знают, с кем они схлестнулись! У нас лучшие из лучших, одни только старшие офицеры чего стоят! Закатим фашистам похоронный марш! Ну все, вот и «мертвый час» настал, фрицы угомонились, идем, как можно тише...

Группы выходят на поверхность. Вскоре начинается жестокий бой. Небо озаряется вспышками взрывов и огненными росчерками выстрелов. Фашисты открывают плотный минометный огонь. Земля, кажется, вся поднимается в воздух. В темноте ночи, практически ничего не разобрать. Кажется, схватка идет почти вслепую... Все превращается в яростный смерч, сметающий все живое.

Поодаль, вторая группа выстраивается в цепочку от колодца и ведрами передает воду в каменоломни. Кто-то падает, сраженный выстрелом или осколком мины. Его место занимает другой. Тут же падает кто-то еще, ведро подхватывают и передают дальше. И так живительная влага движется по цепочке во мрак катакомб вниз...

Скоро яростный огонь боя обрушивается и на солдат у колодца. Кто-то вынужден залечь, кто-то пытается в одиночку набрать воды, но не успевает добежать с ведром до черного проема и падает, сраженный, в траву.... В дыму и разрывах возвращается группа Панова. Все, отстреливаясь, спускаются в подземелье. Наверху гремят взрывы и дикий свистящий рык пулеметных очередей.

Панов. (устало прислоняясь к стене и тяжело дыша) Ну, вот и прогулялись...

Трофименко. Пристрелялись гады! Бьют точно...

Панов. Немец – противник серьезный, с ним надо всегда ухо востро держать. У них и снайперы дежурят сутками... Но мы тоже не лыком шиты, раздраконили их не слабо, даже сейчас!

Трофименко. Поднажать бы... да погнать до поселка!

Панов. У нас другая задача. Еще сходим, погоняем по пригоркам, как паразитов, вредителей природы!

Трофименко. С водой надо что-то решать, искать что-то другое. Людей теряем больше, чем в обычной вылазке...

Панов. Сколько погибло?

Трофименко. 17 убитых, 9 раненых.

Панов. *(вытирает стекающую кровь из под каски, садится, снимая с плеча два трофейных автомата)* Ну мы их тоже изрядно потрепали! Я только «своих» пятерых точно помню – в рукопашной удавил. Может еще кого издалека положил... В любом случае, у них потери больше! Сколько удалось воды набрать?

Трофименко. 32 ведра.

Панов. Лучше, чем в прошлый раз...

Трофименко. Сколько крови столько и воды! Один к одному! Сильно дорого нам вода обходится. Если так дальше пойдет, больше никого не останется...

В глубине катакомб возникает призрачная скорбная фигура, похожая на тень. Она медленно пишет, согнувшись, в зыбком свете лучины.

Гулким голосом звучит в подземелье,

Из дневника найденного в каменоломнях, политрука Александра Трофименко:

«18. 5.1942 г. (две строки неразборчиво)

Целую ночь наши разведчики вели усиленную перестрелку с целью выявления огневых точек противника. Воду брали с большим трудом. У церкви, которая находится метрах в 200 (400 или 800), расположилась минометная батарея. Ведет ураганный огонь по колодцам. Есть убитые и раненые. Положение гражданского населения ухудшается. Хлеба нет, воды нет. Дети плачут, бедные матери успокаивают их разными средствами. Командование решило выдать многосемейным и вообще гражданскому населению муки и немного концентратов. Люди довольны. Решаю пойти в госпиталь, проведать раненого друга Володю.

На третьей кровати от выхода лежал Володя. Увидев меня, он слегка приподнялся на локти: «Сашенька, жив, дружок?». «Иду, значит, жив». Пожали друг другу руки. Поились разговоры. Он хотел знать все.

Между прочим, Володя не знает, чего стоила нам вода.

Время приближается к 2 часам дня. Нужно было спешить. Наспех распростился с Володей, пожелал ему выздоравливать поскорее, направился в свое подразделение. К атаке все уже подготовлено. В последний раз прохожу, проверяю своих орлов. Моральное состояние хорошее. Проверяю боеприпасы. Все есть. 100 человек поручило командование вести в атаку. 100 орлов обращают внимание на того, кто их будет вести в бой за Родину, Последний раз продумываю план. Разбиваю на группы по 20 человек. Выделяю старшего группы. Задача всем ясна, ждем общего сигнала. Встретился с Верхутиным, который будет давать сигнал для общей атаки. Вылезаю на поверхность, рассматриваю. Оказалось, метрах в 100, от колодца стоят два танка. Приказываю противотанковому расчету уничтожить. Пять-шесть выстрелов, и танк загорелся, а другой обратился в бегство. Путь свободен. Слышу сигнал «В атаку». Сжимаю крепче автомат, встаю во весь рост.

– За мной, товарищи, за Родину!

Грянули выстрелы. Дымом закрыло небо. Вперед! Враг дрогнул, в беспорядке начал отступать. Вижу, 2 автоматчика стоя ведут огонь по нашим. Падаю на землю. Даю две очереди. Хорошо, ей-богу, хорошо! Один свалился в сторону, другой остался на своем месте. Славно стреляет автомат – грозное русское оружие. А ребята с правого фланга давно уже пробрались вперед, с криком «ура!» громят врага. Слева в лощине показался танк. Танкисты растерялись от смелого натиска наших героев. Забыли, что у них имеются пулеметы, стали стрелять прямой наводкой по одиночным целям из 75-мм пушки. Конечно, попасть трудно,

хотя и расстояние довольно близкое. Однако снаряды ударялись в стенки катакомб, рвались и таким образом поражали наших бойцов. Приказываю уничтожить танк, но танкисты, наверное, разгадали замысел и побыстрее удалились к церкви и оттуда стали вести ураганный пулеметный огонь. Задача была выполнена, поэтому приказано было отступить, оставив заградительный отряд в захваченных нами домиках. На поле сражения осталось более 50 фрицев убитыми и несколько десятков ранеными, часть которых они успели убрать.

Наших не вернулось 4 и 3 были ранены. У входа встретил меня батальонный комиссар. Он крепко мне пожал руку, вынул из своей кобуры револьвер, сунул мне: «На, тов. Трофименко! Это тебе на память, впредь громи так врага. Я видел, как от твоей очереди вверх ногами летели фрицы, и рад за тебя, что ты вернулся жив». Мне было неудобно перед своими товарищами, и я слегка покраснел. Ведь они не хуже меня били бандитов, особенно лейтенант Филиппов. Он тоже в этом бою не менее 3 фрицев уложил.

Осмотрел револьвер, крепко поблагодарил за подарок, вложил его в кобуру...

Вражеский танк пытался подойти к выходу, но испугался и удрал назад. Уничтожить не удалось. Не унывают друзья, поют. В катакомбах громко играет патефон...

...На душе было весело. Значит, скоро выйдем на волю. Вот так большевики! Да, с такими не жалко и умереть. Исаков ударил меня слегка по плечу. «Ну, чего же молчишь, дьявол?» «Думаю, товарищ комиссар. Сейчас пойду в батальон, хочу просить комиссара, чтобы провести в своей роте партийно-комсомольское собрание».

...Комиссар коротко информировал политруков о возложенных задачах и намекнул о проведении партийно-комсомольских собраний. По ротам собирались коммунисты, комсомольцы, где-то прозвучали клавиши гармошки, поют. Вот черт побери, большевики и под землей поют, не унывают. Значит, неспроста нас ненавидят капиталисты. Бойцы не унывают, слова Сталина живут в сердце каждого, победа будет за нами, враг будет разбит.

Все были в сборе. Поэтому медлить было незачем. Я открываю собрание, ставлю на обсуждение повестку дня, она принимается единогласно. Информую о положении, хотя всем уже ясно. Выступают коммунисты, комсомольцы, с большим воодушевлением одобряют принятие от штаба резервов. А иначе и быть не может. Вот больно плохо с боеприпасами, их маловато. Будем драться иттыками. Понятно, фрицы боятся иттыка, как огня. А все-таки вода будет наша, чего бы это ни стоило нам...»

Сцена 7

Май 1942 г. Керчь. Кабинет генерала Гакциуса, командира 46 пехотной дивизии. Входит майор Рихтер.

Рихтер. Хайль!

Гакциус. Хайль!

Рихтер. Вызывали господин генерал?

Гакциус. Да, майор. Я хочу знать, что у вас там, в Аджимушкае происходит? Может, я не совсем владею оперативной информацией, но до меня доходят сведения о мощных атаках русских из брошенных пещер, и о наших потерях! Что это? Почему там до сих пор хозяйничают большевики? Насколько мне известно, они загнаны под землю и блокированы. Шансов у них уже нет... Зверь, загнанный в угол, всегда кусается, осознав свое отчаянное положение. Найдите правильное решение. Если силовые методы сопряжены с ненужными жертвами, начните переговоры о сдаче, наконец! Что не так?

Рихтер. Это какие-то особые части, сформированные из самых фанатичных коммунистов. Они построили под землей настоящую Подземную Крепость. И все попытки штурма, пока не увенчались успехом. Там сложный подземный лабиринт. Большевиками возведена хитрая система ловушек и засад, скрытых огневых точек. Возможно, она создавалась специально, на случай тыловой войны. Неоднократные атаки, с использованием танков, артиллерии и даже авиации, ни к чему не привели, мы только потеряли людей. Сейчас думаем об иных способах ведения боевых действий против красных кротов.

Гакциус. Красных кротов?

Рихтер. Да, мы их так называем.

Гакциус. Забавно. Рихтер, я Вас знаю давно, как храброго и умного офицера! Какая к черту «Подземная Крепость»? Какая «особая дивизия»? Что за бред? У них на Акмонае не было нормальных оборонительных позиций! Я не говорю о голой степи до самой Керчи! Они даже не предполагали, что мы так быстро займем весь восточный полуостров, и я думаю, не допускали мысли о какой-то тыловой организованной партизанской войне! Я считаю, это сопротивление стихийное, из тех, кто просто не успел переправиться на таманский берег, и его надо подавить как можно быстрее. Мы разбили три армии. Просто триумфально! Блестяще... Эта операция войдет в золотые страницы нашей Истории! Эпохальная победа, достойная германского духа! И нельзя, чтобы какая-то кучка комиссаров омрачала нам победу! На нас смотрит сам Фюрер, весь Южный фронт.

Уничтожьте их в ближайшие дни, до конца недели! Если надо, я дам вам дополнительные силы.

Рихтер. Это не так просто, господин генерал!

Гакциус. В чем проблема?

Рихтер. По данным разведки, их свыше 10 тысяч. В основном офицерский состав. Очень много политруков и хорошо подготовленных частей – морская пехота и пограничные соединения особого назначения. Немало сотрудников НКВД. Они прекрасно ориентируются в этих многокилометровых каменоломнях и создали сильно укрепленный район. У меня, все-таки складывается мнение, что это все тщательно спланировано. Русские бывают непредсказуемы. Они могут допустить серьезный промах на фронте, но и способны на организацию крупной военной базы. При всей нашей мощи, мы уже который день не можем с ними справиться!

Гакциус. Известно, кто возглавляет эту вашу «подземную армию»?

Рихтер. Да, господин генерал. Это полковник Павел Ягунов, заместитель начальника штаба 51-й армии по боевой подготовке. У нас есть на него досье. Можете посмотреть. Это он сумел задержать продвижение наших войск, к проливу. То, что не смогли сделать растерявшиеся красные генералы, сделал этот полковник. Я предполагаю, что он собрал вокруг себя подобные ему кадры. Это серьезный противник, и мне кажется, здесь нужны особые методы ведения войны.

Гакциус. Задействуйте «Бранденбург». Используйте все, что есть в нашем распоряжении. Я пошлю к вам части «СС» и еще, пожалуй, переговорю с Манштейном относительно «особых методов».

И Вы, не сидите, сложа руки! Я вам направлю 88-й саперный батальон. Если ваши «кроты» не сдадутся, замуруйте их там, взорвите, захороните, но чтобы никаких партизан в нашем тылу не было! Нам нужно наступать дальше на Кавказ и не отвлекаться на мелочи. Вы все поняли, майор?

Рихтер. Так точно, господин генерал!

Гакциус. Идите, и удачи Вам. Обо всех изменениях докладывайте мне лично!

Рихтер. Есть!

Сцена 8

Май 1942 г. Каменоломни. Пулеметное гнездо из каменной кладки, примерно в 30 метрах от выхода. Впереди виден проем выхода из каменоломен. За пулеметом сидит курсант Немцов и его напарник. Подходит Левицкий с большой группой солдат. Обмениваются приветствиями.

Левицкий. Разведка доложила о приближение штурмовой группы немцев на этом участке. Готовы?

Немцов. (*похлопывая ладонью по корпусу пулемета*) Мы с «Максимкой» всегда готовы встретить «дорогих» гостей, товарищ капитан, ждем каждую минуту! Мимо нас не проскочат!

Левицкий. Что ж, отлично. Без моей команды не стрелять. Пусть спустятся к нам все, чтоб ни один ни ушел.

Немцов. Есть! Все сделаем в лучшем виде. Положим «крестоносцев» штабелями вдоль стенок в назидание остальным.

Левицкий. Курсант?

Немцов. Так точно. Ярославская авиационная школа. Штурман бомбардировщик! Теперь еще и стрелок.

Левицкий. Вместо неба пришлось под землей стрелять...

Немцов. Проклятого фашиста везде бить не зазорно. Хоть в небе, хоть – в недрах земных. Главное – бить, изводить эту заразу.

Левицкий. Это правильно. Долг он везде и всегда. Хорошо вас учили.

Немцов. Училище у нас замечательное. Второй дом, без преувеличения. Все дружные, жили как одна большая семья. Да и здесь, кто оказался, друг за друга горой. Правда полетать толком не удалось. А душа все равно в небо просится.

Левицкий. Успеете, налетаетесь еще. Какие ваши годы. Выйдем отсюда – все небеса ваши. Парите сталинские соколы! Будете воевать по назначению. Еще над Берлином пролетите, раньше нас, земных ползунов, логово зверя увидите.

Немцов. Увидеть то увидим, товарищ капитан, а первой все равно пехота дойдет.

Левицкий. Там и встретимся снова.

Немцов. Вспомним Аджимушкайские каменоломни, время, проведенное под землей.

Левицкий. Да, такое не забудешь.

Немцов. Как думаете, долго нам еще здесь воевать?

Левицкий. Ждем десант. Войска перегруппируются, нанесут удар на побережье. Тут и мы с тыла подоспеем. К тому же мы не одни. На другом берегу Крыма сражается Севастополь, так что нас не забудут, и мы ближе к своим. В 1941 году здесь действовал партизанский отряд. Они полтора месяца были в катакомбах. Потом наши пришли. Мы, я полагаю, и того меньше пробудем.

Немцов. Хорошо бы побыстрее, а то у нас и с водой, и с вооружением худо становится.

Левицкий. Ничего. У фрицев возьмем если что. У нас положение в определенном смысле исключительное. Стены надежные, крепкие, все обстрелы выдержат. И найти нас в темном лабиринте практически невозможно. Пусть пробуют – как это им выйдет... Мы их здесь изрядно помотаем. Запомнят надолго Аджимушкой.

Немцов. И откуда эта гадость на земле берется? Жили бы все в согласии и процветании. Мирно работали, сотрудничали, науку развивали, города новые строили. Все народы, все вместе... Как у нас в СССР. А то ведь нет, надо все испортить и как испортить с неисчислимыми невинными жертвами.

Левицкий. Это путь капитализма. Его истинное лицо. Им всегда надо угнетать кого-нибудь. Паразитировать, грабить, пить кровь из простых рабочих людей, тех, кто все производит, трудится день и ночь.

Поэтому наш социалистический строй самый передовой и только за ним будущее.

А с фашизмом и прочей мерзостью, разговор один – «ваше слово товарищ Маузер!» И точка. Сорняки только огонь праведный и может извести. Иначе никак.

Немцов. Изничтожим эту мерзость и заживем по-человечески.

Левицкий. Будем надеяться, что дети наши этой коричневой лихорадки больше не увидят.

Так, тихо! Кто там?

От входа появляется запыхавшийся дозорный.

Дозорный. Идут товарищ капитан, взвода 3—4. Экипированы по полной. Штурмовики. Некоторые похожи на «СС».

Левицкий. Вот и хорошо, мы им могилку здесь организуем. Всем занять позиции. Стрелять только по моей команде. Ни звука, ни шороха, ни вздоха, ни кашля! Все замерли как эти камни! Все ясно?

Солдаты. Так точно!

Левицкий. Проверить оружие, всем по местам!

Через несколько минут в проломе входа появляются тучные темные фигуры, которые быстро растворяются во мраке. Атмосфера наполняется напряжением. Вспыхивает несколько желтовато-бледных фонариков. Лучи скачут по стенам изломанного коридора. Колонна осторожно, почти бесшумно продвигается вперед. Изредка слышна тихая вкрадчивая немецкая речь. Кажется, осязательным становится тяжелое дыхание врага и звериная мяг-

кая поступь. Темная масса приближается. Что-то неизбежно повисает в воздухе итолен. Тьму, молнией разрезает пулеметная очередь. Присоединяются винтовки и автоматы. Раздаются крики, стоны и ругань. Фашисты открывают ответный огонь. Грохот гранат раскальвает пространство. Где-то обваливается часть потолка, поднимая тучи мутной едкой пыли. Темноту режут яростные всполохи выстрелов. Упорная схватка достигает апогея. Ни одна сторона не уступает. По стенам искрами летят осколки и пули. Через какое-то время немцы отвечают все реже и вскоре стихают совсем...

Левцкий посылает вперед нескольких солдат. Вскоре они подают сигнал. Один из солдат подходит.

Солдат. Все товарищ капитан, полный капут! Аллес или как у них еще там... Все получили участок русской земли, как и обещал им фюрер. Как говорится, широка страна моя родная... Места для заморских гостей хватит всем.

Левцкий. Отлично. У нас потери есть?

Сержант (*сзади*) Пятеро раненых.

Расстреляли фрицев как на полигоне! Прямо как мишени в учебке!

Если они так к нам будут ходить, мы их быстро всех перещелкаем!

А курсантик то ничего, красиво работает. Таковую кадрили устроил, я думал, нам уже ничего не останется!

Левцкий. Да, ребята славные оказались. Чувствуется, наши! А насчет немцев сильно не обольщайтесь. Немец хитер. Не рассчитывайте, что дальше все будет так гладко. Не расслабляйтесь, держите ухо востро.

Немцов. Мы в охране и день и ночь. Приноровились. Мышь не проскочит!

Левцкий. Тем не менее, внимание не ослаблять. Следить за всеми изменениями у врага. Ты как, курсант?

Немцов. Полный порядок! Мне уж не в первой фрица косить. Были бы патроны. Нас в училище так гоняли, что здесь просто тир из парка культуры и отдыха!

Левцкий. Ну ты уж не зазнавайся сильно то, ишь ты, нашел парк культуры!

Немцов. Я к тому, что огневая подготовка у нас была сложнее, еще и в воздухе. А здесь что – вокруг камни, уперся в скалу и дави гашетку в свое удовольствие, коси супостатов, как траву в летнюю жатву. Ничто тебя ни качает, не бросает из стороны в сторону. Курорт!

Левцкий. Ну, ты шутник! А то, что фашист в тебя стреляет, не забываешь?

Немцов. Не успевают они в меня выстрелить, товарищ капитан. Я их всегда опережаю. Я чувствую нутром, когда надо на спуск нажать. Этот момент в меня как-то вьелся. Я это чую, представляю так ясно, как на странице в книге. Все ненужное пропадает, остается что-то вроде металлического стержня внутри, прямо как шомпола и я четко вижу и осознаю, что надо делать. И все это в секунды происходит.

Левцкий. Молодец! Далек пойдешь. Только нос сильно не задирай. Как звать то тебя?

Немцов. Николай Немцов.

Левицкий. Немцов? С такой фамилией, тебе только с фрицами и разговаривать на языке пулемета! Умножай результат.

Немцов. Конечно, товарищ капитан!

Левицкий. Так, бойцы, собрать оружие! Выставить усиленный пост. Разведка наверх! Остальные за мной, ну что ж, бывай Николай, увидимся!

Немцов. А Вы заходите к нам почаще, товарищ капитан, я с ребятами нашими познакомлю. Они вам покажут, на что способны, орлы, так в бой и рвутся, и в беседе интересные, а песни поют, заслушаетесь, в концерты ходить не надо. У нас Лешка Чернышов как заведет куплет, аж мурашки по всему телу... За душу берет, ему бы на большой сцене петь, а он в армию подался. Заглядывайте, не пожалеете!

Левицкий. Ладно, время будет, зайду. Парни вы боевые, как я понял, для серьезных дел сгодитесь. Так что ждите!

Немцов. Спасибо, товарищ капитан!

Сцена 9

Каменоломни. Подземный госпиталь. В полутьме, под низким нависающим потолком ряды лежащих раненых. Суетится медперсонал, среди них Вера Иевлева. Входит Парахин.

Парахин. Как обстановка?

Иевлева. Сложно... очень тяжело, товарищ комиссар!

Медперсонала не хватает. Условия содержания просто ужасные. Темнота, сырость. Воздух спертый, дышать иногда трудно бывает. Бинтов нет. Рубахи рвем. Лекарства кончаются. А раненых с каждым часом все больше.

Норма воды неприемлимая ни по каким показателям. Больные от жажды мучаются. Про нас я просто не говорю. Что дальше будет?

Парахин. На войне легко не бывает.

Иевлева. Но не до такой же степени! Мрак, холод невыносимый. Раны не заживают при такой подземной влажности. (*голос дрожит*) Товарищ комиссар! Сколько мы здесь пробудем?

Парахин. Я думаю, недолго.

Иевлева. Страшно здесь... Могила бездонная, тянет вниз.

Парахин. Привыкнешь, пройдет.

Иевлева. Вряд ли. Тут все не так. Мир другой. Мертвый и голодный. И он постоянно пытается тобой завладеть, подчинить. Сделать еще одним камнем. Запутать, свести с ума. Стереть все, что было раньше. Переродить тебя во что-то неизвестное нечеловеческое. Куда ни пойдешь, везде происходит одно и то же, словно замер на месте, оцепенел. Света нет, времени нет, оно словно окаменело здесь. Не понятно, час прошел или день. Соприкасаешься с чем-то совершенно необъяснимым. Словно падаешь в бесконечную черную пропасть. Краски и формы исчезают, тают как привидения. И ты становишься чем-то неясным грузным, пугающим для самой себя. Прикованной невидимыми цепями к какой-то забытой всеми глубине. Везде один беспредельный громадный, извивающийся змеей камень. И больше ничего нет. И растет безысходность, ощущение беспросветного тупика.

Парахин. Так, Вера! Ты сейчас проплачься, и чтоб слез и нытья я больше не видел! Всем тяжело. Надо бороться! Бороться с врагом, и главное – с самим собой! Человек сам выбирает, жить или умереть. Начнешь бороться – все трудности исчезнут, как призраки рассеются. Мы все преодолеем. Нас много! Мы здесь защищены от обстрелов, немцы боятся сюда лезть. В бою добудем и лекарства и еду. Все наши трудности временные. Успокойся, и возьми себя в руки!

Ты – боец Красной Армии, Иевлева! Тем более медик. А медработник должен быть стойкий вдвойне. Ты это понимаешь?

Иевлева кивает.

Твоя уверенность и вера передается людям, также как и страх. Они все чувствуют, малейшее колебание, особенно больные и раненые. Поэтому соберись и будь сильной! Показывай

пример остальным. Вот фашистов разобьем, тогда дашь волю всем эмоциям – хочешь, рыдай, хочешь, смейся. А сейчас мы не имеем права на собственные слабости. Сейчас – только долг и борьба.

Иевлева. Извините, товарищ комиссар, больше не повторится!

Парахин. Так то лучше. С тобой рядом масса людей, готовых помочь в любую минуту. Нехватка персонала – направим солдат в помощь. Все что добудем у немцев, в первую очередь пойдет в госпиталь. Я прослежу. Что будет надо, говори, сделаем.

Иевлева. Спасибо, товарищ комиссар!

Парахин. Да не за что. Поправившиеся, вернувшиеся в строй есть?

Иевлева. Конечно, сейчас журнал покажу!

Парахин. Это очень даже хорошо, молодцы! Делайте все что возможно. Находите решения, придумывайте что-то новое. Много зависит от личных качеств каждого солдата гарнизона. Если что, докладывайте прямо мне.

Иевлева. Есть! Спасибо большое, товарищ комиссар!

Парахин. Держитесь, мы все рядом, только позови и мы появимся!

Иевлева. Я запомнила, все будет в порядке.

АКТ 2

Сцена 1

Май 1942 г. Каменоломни. Ягунов, Парахин и Бурмин идут по штольням, обходят территорию базирования гарнизона.

Ягунов. Ну как у нас обстоят дела?

Парахин. Подводя итог, можно сказать, что создание гарнизона завершено в том виде, как мы хотели его видеть. Места расположения всех подразделений четко зафиксированы. Никаких «блуждающих» групп и отдельных лиц уже нет. Везде выставлены посты. Все службы функционируют. Система паролей и пропусков работает.

Ягунов. Что с внешней линией обороны?

Бурмин. Пограничники постарались на славу. Возвели заградительные стенки, вырезали амбразуры, все рассчитали. По секторам, весь периметр у каменоломен под обстрелом. Поставили мины и ловушки. Система безопасности надежная. Охранный батальон на местах, и четко знает поставленные задачи. Местные очень хорошо помогают и в плане наблюдения за противником, и в плане освоения катакомб.

Ягунов. Что в лазарете?

Парахин. Госпиталь перевели дальше в штольни, там потолок около 15 метров. Никакие взрывы не пробьют.

Ягунов. Отлично.

Парахин. Только с медикаментами плохо, да и медперсонала не хватает. Направляем дежурить солдат. Раненых много. Да и условия содержания оставляют желать лучшего. В штольнях, где госпиталь, температура не поднимается выше +6 градусов. Справляются, конечно, но сами понимаете насколько людям там тяжело.

Ягунов. Надо продержаться. Десант скоро должен быть...

Бурмин. По-хорошему эвакуировать бы их, как-нибудь. Связаться с Большой землей.

Ягунов. Будем думать. Искать все возможные варианты. Может получится что-то через подполье, когда с ними установим постоянный контакт.

Парахин. Со связью с Таманью, у нас по-прежнему? Результатов нет?

Ягунов. Все тоже. Нас слышат, но видимо также как и раньше, воспринимают за провокацию противника. Все та же история со старыми шифрами. Поэтому осторожность наших вполне логична.

Надо создавать небольшие группы для переправы через пролив, чтобы о нас узнали. Тогда установим и постоянную, и обратную связь. И можно будет координировать действия с нашим командованием.

Но первейшая задача, Вы правы, Иван Павлович – это раненые. Здесь здоровому человеку сложно воевать и находится, а больному и подавно.

Как с оружием?

Бурмин. Для внешней обороны хватает. Но в целом ситуация далеко не лучшая. Есть подразделения, не имеющие никакого вооружения. Это часть курсантов, железнодорожников, и солдат из полка резерва. Распределяем, чтобы все были боеспособны.

Большой недостаток автоматического оружия. С гранатами тоже туговато.

Будем пополнять за счет вылазок. Опять же здесь своя специфика. Обращению с трофейным оружием часть гарнизона придется учить. Обучение уже начали, в связи с новыми условиями ведения боевых действий. Занятия проводятся, согласно распорядку.

А вот, кстати, давайте к Аркадию Павловичу заглянем на «открытый урок».

Офицеры сворачивают в зал средних размеров, освещенный мутно желтоватыми лампочками, где находится около 30—50 человек, которые внимательно слушают Панова и еще двух стоящих с ним командиров. Перед ними, на «столе» из ящиков, разложено немецкое трофейное оружие.

Панов. Здравия желаю, товарищ полковник!

Солдаты встают, приветствуя вошедших.

Ягунов. Здравствуйте Аркадий Павлович, продолжайте, не отвлекайтесь.

Панов. Есть продолжать! Так вот... Как я уже говорил, наше расположение в каменоломнях, имеет ряд значительных преимуществ, нежели бы мы находились в по-прежнему на открытом пространстве, в степи. Враг считает, что он загнал нас в западню, в каменный мешок и выхода у нас нет.

Но эти каменные стены надежно защищают нас от обстрелов и маскируют соответственно. Полевая разведка может определить численность войск, их передвижение, угадать отвлекающие маневры. В нашем случае – мы абсолютно непроницаемы для противника. Все наши действия, все, что происходит на территории нашего гарнизона – недоступно скрыто.

Все попытки проникновения фашистов уже были успешно отбиты. Многокилометровая протяженность каменоломен и их сложный лабиринт, делает нашу подземную крепость неприступной. О том, как успешно действовать в запутанных коридорах и у выходов, во время боя, как лучше выбрать позицию, как вести себя во время взрыва кровли детально рассмотрим чуть позже, когда подойдет товарищ Данченко, из местных жителей и расскажет об особенностях этих скал.

Темнота – наш друг и союзник. Это надо помнить и понимать. И естественно, использовать в борьбе. Плюс хитросплетения коридоров. Своеобразная паутина, в которую при умелом использовании, может попасться враг. Враг на свету – отличная мишень. Поэтому самим лишним раз не высовываться, сливаться с камнями и заманивать гадов в засады и ловушки. В катакомбах немец сразу потеряется, если вдруг прорвется. Каменоломни мы должны знать, как свои пять пальцев. От этого зависит жизнь товарищей и успех боя.

Как я уже сказал, противник не предполагает, откуда мы ударим. Эффект неожиданности очень большой. Мы «вырастаем» из-под земли, практически в любой точке, ошеломляя врага,

сокрушаем позиции, берем трофеи, и растворяемся в темноте катакомб. Противник не знает и никогда не узнает, где мы возникнем у него тенью за спиной. Психологическое воздействие на сознание солдат противника просто огромное. Мы везде и нигде.

Так что, наш гарнизон обладает весьма специфическими особенностями в плане ведения тактики.

Что также предполагает не обычный окопный полевой бой дальнего действия, а почти постоянную жесткую рукопашную схватку диверсионного характера. К этому надо быть готовыми и этому мы будем учиться. Начнем с того, как правильно снять часового, потом перейдем к приемам рукопашного боя...

Бурмин. Ну как Павел Максимович?

Ягунов. Очень хорошо. «Учиться, учиться и учиться...» – как говорил великий Ленин, как учит коммунистическая партия! Это один из фундаментальных законов успеха в любой области. Учиться везде и всегда. Особенно на войне. Не упускать ни одной мелочи. Совершенствоваться до бесконечности. Закалять и затачивать себя как дамасский клинок. Только так мы победим. Пойдемте дальше.

Выходят из зала Панова и двигаются дальше по штольням.

Ягунов. Как политическая работа?

Парахин. Здесь все замечательно. Идет полным ходом. Политруков много, они свое дело знают, справляются более чем отлично. Регулярно проводятся собрания, разъяснительные беседы, даже индивидуальные. Бывает просто у костра, в жанре дружеского разговора. Объясняем доходчиво значимость нашего положения и нашей борьбы. Оказываем помощь нуждающимся и слабым. Тесно взаимодействуем с Особым отделом. Все в поле нашего зрения. Изъяны видим и сразу устраняем. Идеино гарнизон неуязвим.

Ягунов. От вас, от вашего слова, сейчас зависит очень много, если не все. Если человек утратит силу духа, веру в свое дело, любое оружие бесполезно...

Он просто не сможет выстрелить, не сможет подняться в атаку, предаст других и себя. В его руках оружие станет просто куском железа, а то и обернется против своих.

Поэтому политмероприятия в последующие дни на сокращать, смотреть в оба. И еще и еще раз строжайшая дисциплина. Никаких скидок на тяжелые условия. Мы – регулярная часть Красной Армии. Где бы мы не находились, под землей, в воздухе, хоть в самом адском пекле – соблюдать устав и правила внутреннего распорядка. Только так мы одолеем любого врага.

Как дела с разведкой, Григорий Михайлович?

Бурмин. Разведку укомплектовали частично из солдат и офицеров 276-го полка НКВД, частично из пограничников. Особый отдел тоже приступил к выполнению своих обязанностей. Результат налицо. Дисциплина сразу подтянулась. Все чувствуют, что у нас не фестиваль народной песни, из разных представителей, а единая армейская часть, к тому же особая. Есть закон, есть трибунал. Все как и раньше.

Ягунов. Да, это тоже одно из важнейших направлений. Предатели нам не нужны. Подобное надо пресекать в корне. Все случаи неустойчивости и преступных намерений.

Никому не расслабляться, быть начеку. Враг будет искать любые пути нашей гибели. Мы должны быть непоколебимы, как эти скалы.

Что ж, все как мы планировали, осуществляется.

Парахин. Ну вот, Павел Максимович, получается, Гарнизон полностью сформирован, живет и действует...

Ягунов. Теперь остается только одно – подготовить крупную операцию, и напомнить немцам, кто здесь настоящий хозяин.

Сцена 2

Май 1942 г. Каменоломни. Степь затянута пороховой мглой. Яростные схватки ненадолго стихли. Пост курсантов летчиков у пулеметной амбразуры. Немцов и его товарищи осматриваются после закончившегося боя.

Чернышов. Смылись твари...

Скибин. 4 танка дымят и валяется их десятки... вон по кочкам чернеют...

Немцов. Надо будет оружие собрать, как стемнеет.

Чернышов. Соберем. Если еще не попрут сегодня.

Скибин. Нам бы артиллерии чуток, в раз бы смели гадов, и погнали бы их до самого Севастополя. С красным ветерком!

Чернышов. Да и просто увеличить боекомплект не помешало бы. А то скоро воевать будет нечем.

Немцов. А лучше бы – по самолетам, и в небо! Вот оттуда мы бы и показали, чего умеем.

Скибин. Это точно. А то вместо неба сидим по норам. Подземная авиация.

Чернышов. Все равно ведь воюем. Придет и наш черед. Полетаем еще.

Немцов. На войне все смешивается. Кого к чему готовили. У нас в катакомбах и кавалеристы с лошадьми сидят, и танкисты, и хозяйственные службы.

Главное – уметь воевать в любых условиях. Приспособиться и бить фашиста из любого положения.

Чернышов. Ну у нас то вообще гарнизон сложился небывалый, кого только нет. Все рода войск, я на парадах такого не видел.

Немцов. Может в это наша сила и преимущество. У каждого свой опыт, который можно применить в бою...

Чернышов. Может и так, поглядим.

Немцов. Чтобы мы делали без пограничников и бронебойщиков ПТР?

Да и мы тоже не лишние. Вспомни, как нас натаскивали по огневой подготовке в небе стрелками-бомбардирами. А здесь на земле намного проще. Тебя не крутит как в кабине, прицел не качается, фундамент основательно прочнейший! Коси врага в свое удовольствие.

Скибин. Удовольствия похоже сегодня будет много.

Немцов. Ты о чем?

Скибин. А ты глянь туда... Вон движение у обгоревшей сопки, вспышки, и пехота стекается в одну точку.

(Слышатся отдаленные хлопки выстрелов, которые постепенно нарастают)

Немцов. Что-то там не так. Это не атака. Это другое.

Чернышов. Похоже, фашисты кого-то преследуют...

Скибин. Прорывается кто-то!

Немцов. Дай-ка бинокль...

Так, или переутомился за время боев сегодня, или мне кажется... Но сильно похоже летчики к нам прорываются.

Скибин. Да откуда же они там взялись? Наши почти не летают уже. Из разбитых аэродромов, все кто мог, или на переправу ушли или с нами под землей сидят.

Немцов. Не знаю, видно плохо, но очень похоже на летную форму.

Чернышов. Может все-таки сбитый экипаж?

Немцов. Все может быть. Значит так. Нас восемь человек. Я со 2-м номером остаюсь здесь, отсекаю пехоту... Вы шестеро, выдвигайтесь вперед и действуйте по обстановке. Где гранатами, где штыком, наших постарайтесь на зацепить.

Скибин. Само собой.

Немцов. Ну все, товарищи, поехали, на взлет!

Немцов ближе выкатывает пулемет. Ждет, удобного момента и открывает огонь. Завязывается жаркий бой. Воздух заволакивается пороховой мглой. Слышны крики, взрывы, неистовая стрельба.

Вскоре все возвращаются назад с несколькими новыми солдатами.

Немцов. Ну кто там у вас?

Чернышов. Ни в жизнь не угадаешь – наши!

Немцов. В смысле наши?

Скибин. А ты глянь!

Немцов. Толик! Волошенюк! Вот это да!

Волошенюк. *(весь грязный и оборванный, увешанный трофейным оружием)* Коля! И ты здесь! Вот это встреча!

Скибин. Ага. Воссоединение 1-й эскадрильи!

Чернышов. Ты посмотри с чем он пришел!

Немцов. Вижу! Два автомата, немецкий и наш, за поясом «Вальтер», противогазная сумка с гранатами! Ну ты даешь! Хорош, просто герой! Хоть картину пиши!

Волошенюк. Да какой герой, еле ноги унес...

Чернышов. Толя, Ты когда ноги уносил, сколько фрицев уложил?

Волошенюк. Не помню. Достаточно. Одного лопаткой промеж глаз – четко запомнил. А дальше – как в тумане.

Скибин. Богатый туман для трофеев был то...

Смеются.

Волошенюк. Да, я бы сказал очень густой!

Немцов. Расскажи, как где вы были, как здесь оказались?

Волошенюк. Когда вас отправили в Керчь, мы еще два дня ждали, а потом нас бросили сразу на передовую. Нас было около 300 человек. По пути, ночью, у села Марфовка, напоролась на немецкий десант. Оружия у нас не было. Не выдали еще. Фашисты сразу покосили почти всех. А мы, те, кто уцелели, начали пробиваться к своим. Сюда, к каменоломням, вышли впятером, а сейчас нас вот трое перед вами... Как выжили – просто чудо, такая баня кровавая была не описать. Вам спасибо, выручили, спасли!

Чернышов. Теперь мы вместе, и это замечательно, друзья! Ну вас и потрепало, видок у вас будь здоров!

Волошенюк. Ну вы тоже не как на любовном свидании, чумазые как черти...

Скибин. Для свиданий с фрицами то, что надо...

Смеются.

Чернышов. (*протягивая флягу*) Натё-ка, хлебните все!

Волошенюк. Что это?

Чернышов. Коньяк.

Волошенюк. Коньяк? Ого! Красиво вы здесь живете!
Откуда?

Скибин. Здесь склады были. Фашисты разбомбили. Кое-что бесхозным осталось. Вот нам пару ящичков и перепало.

Волошенюк. Хорошее начало, если встречаете коньяком. Мне уже здесь нравится.

Немцов. Ну на самом деле трудностей хватает.

Волошенюк. Что бы ни было, в любом случае, лучше, чем в поле под постоянной бомбежкой и обстрелом. Стены крепкие, лабиринт, насколько я знаю беспредельно протяженный, фриц не сунется. Так что я несказанно рад, что мы здесь в этой своеобразной подземной крепости. Отсюда, я думаю, фашистов будет очень даже удобно бить.

Чернышов. Ну, пока мы их знатно сечем. Доводим до бешенства. Чтобы они не пробовали – нам все нипочем!

Волошенюк. Я так рад, братцы, что встретил именно вас... Теперь ничего не страшно! Самый лучший день в моей жизни!

Немцов. Это верно. День знаменательный. Нас, друзей по училищу, стало еще больше. Сменимся, вечером отметим, как положено.

Чернышов. Непременно.

Волошенюк. Я как во сне, после последних дней сущего кошмара. По краю ходили все эти сутки...

Немцов. Спи, Толик, спи, наслаждайся! Сейчас тебя отведем в казарму, покажем наш быт. А ты отдыхай пока вместе с товарищами. Скоро увидимся!

Волошенюк. Спасибо, до встречи, Коля!

Немцов. Давай присматривайся к нашему подземному царству, привыкай. У нас тут все по-другому!

Сцена 3

Май 1942 г. Поселок Аджимушкой. Кабинет майора Рихтера. Вводят пленного советского капитана.

Майор Рихтер. Проходите, садитесь, господин капитан! Мне доложили, что Вы принесли нам нечто ценное, чтобы сохранить свою жизнь.

Капитан. Да, это карта каменоломен. С указанием примерного размещения объектов подземного гарнизона.

Майор Рихтер. Почему примерного?

Капитан. Они перемещаются, окончательного решения о закреплении места того или иного подразделения или службы не было.

Майор Рихтер. Умно. А с чем это связано?

Капитан. Гарнизон, или полк, как они его называют, находится в процессе формирования. Так что я указал, только наиболее крупные объекты. Кухня, склады, штабы батальонов, несколько казарм, трактор, госпиталь...

Но возможно, некоторые в ближайшее время уже будут перенесены, но на незначительное расстояние.

Майор Рихтер. Понятно. А что еще за трактор?

Капитан. Это источник электрического освещения, используется как генератор.

Майор Рихтер. Это очень важная информация. И как я вижу на вашей схеме, он располагается близко к выходу?

Капитан. Да, чтобы выхлопные газы выходили наружу, не создавали излишнего смрада, в катакомбах и без того тяжело дышать...

Майор Рихтер. Очень, очень хорошо. Это для нас чрезвычайно ценно. Что еще Вы можете сообщить?

Капитан. Ну что еще? Ситуация непонятная, намешано из разных родов войск. И курсанты и политсостав. Все, кто не успел переправиться. Хотят сделать из всего этого единое соединение.

Майор Рихтер. То есть они намерены серьезно сражаться?

Капитан. Именно.

Майор Рихтер. А вы что же? Почему решили покинуть своих товарищей?

Капитан. Я не фанатик. Я еще не потерял здравый смысл. Надо четко понимать, когда бой проигран, и принимать то, что есть... А сидеть под землей, в окружении, это полное сумасшествие. Или самоубийство.

Майор Рихтер. Что ж, мы ценим разумных людей. Это редкость. Таким нельзя разбрасываться. Это надо ценить и поддерживать. Вы коммунист?

Капитан. Никак нет.

Майор Рихтер. Или уже нет?

Капитан. Беспартийный я...

Майор Рихтер. Впрочем, это уже не важно. Я полагаю, вы уже сделали свой выбор. Хотите воевать против большевиков, за Свободную Россию, в лучшей армии мира? Вы офицер вероятно, с неплохим опытом. Вам стоит влиться в наши ряды, мы приветствуем толковых кадровых военных.

Капитан. Я подумаю. Так сразу трудно решить...

Майор Рихтер. Думайте быстрее. Или лагерь военнопленных или преданная служба Германии.

Капитан. Я понял.

Майор Рихтер. Ладно, вернемся к этому вашему подземного гарнизону. Нам известны имена (*смотрит на список*) тех, кто это все организовал. Ягунов, Парахин, Верушкин, Панов и кто там еще... Что они из себя представляют? Какие у них слабые стороны?

Капитан. Они одержимы. В чем-то они меня просто пугают. Они не сдадутся.

Майор Рихтер. Одержимы чем?

Капитан. Идеями всеми этими комиссарскими!

Майор Рихтер. Или любовью к Родине?

Капитан. Да не в этом дело...

Майор Рихтер. А в чем? Ну ладно, ладно. Вы сделали правильный поступок. Достойный цивилизованного человека. Это похвально, что хоть кто-то в России способен думать о будущем. У России непростая судьба, это многострадальная страна, которая и сейчас стонет под гнетом жидобольшевизма. Вы нас называете оккупантами, а мы желаем вашей земле только добра. Мы пришли очистить ее от тирании евреев и коммунистов, сделать ее свободной и прогрессивной. Сделать ее частью передовой европейской цивилизации. Многие ваши соотечественники это понимают и помогают нам в этой миссии. Это и представители так называемого «белого движения» эмиграции – царские офицеры, цвет вашей нации. И даже сам великий князь Владимир Кириллович Романов, наследник императорского престола! Он возглавил не просто армейское подразделение, а элитные войска «СС». Теперь он обергруппен-

фюрер «СС». Задумайтесь и оцените наше доверие и нашу дружбу именно с русскими, вопреки всей большевистской лживой пропаганде. Россию и Германию связывают давние узы. Наши предки вместе били Наполеона. Сотрудничали несколько столетий подряд. Вспомните сколько немецкой крови в русских царях... Не забудьте о ваших бывших советских военнослужащих, которые борются за лучшую судьбу вашей Родины. Так что, осознайте значимость своего дальнейшего пути.

Капитан. Я учту и приму к сведению.

Майор Рихтер. Хорошо. Продолжим. Численность, вооружение гарнизона, его уязвимые места?

Капитан. Количество точно не скажу, когда я уходил, еще только начали всех учитывать, но не менее 10 тысяч, включая гражданских. Из оружия почти все стрелковое, есть немного минометов. Пушки, какие были, разбиты еще на поверхности. Продукты есть, там склады базировались, еще до наступления. Основная проблема – это вода. Ее в гарнизоне острая нехватка. Два колодца на поверхности, на простреливаемой территории, а в самих катакомбах никаких источников нет.

Майор Рихтер. Великолепно! А может Вы дезинформатор? Агент НКВД? Вот так просто взял с картой и вышел? Еще и штабист? Сильно красиво получается, а?

Капитан. Полез бы я в самое пекло...

Майор Рихтер. Это уж точно, Вы бы точно не полезли!

Капитан. Я правду говорю. Проверьте...

Майор Рихтер. Не сомневайтесь, все проверим. Вы еще потом в СД побеседуете. Это в любом случае. Даже если не врете. Мы проверяем досконально и врагов и сотрудников. Наша система безупречна. Иначе мы бы не были расой победителей.

Капитан. Сами поймите, как я рисковал, когда сюда шел...

Майор Рихтер. *(иронично)* Не сомневаюсь.

Капитан. Я повспоминаю еще что-нибудь важное, фамилии, дислокацию, оружие... Я могу быть полезен.

Майор Рихтер. Я уже понял. Повспоминайте, капитан, повспоминайте! Мы об этом еще подробнее поговорим. А пока отдыхайте, я даю Вам сутки на принятие решения, все-таки Вы нам очень помогли! Думайте – лагерная баланда или карьера в немецкой армии.

Капитан. Спасибо, господин майор!

Майор Рихтер. Всего хорошего, идите...

Капитана уводят.

В кабинете остаются майор и лейтенант.

Лейтенант. И что с ним будем делать дальше?

Майор Рихтер. В случае положительного исхода, после всех процедур отправьте его к вла-
совцам. Только подальше от меня. Я не люблю предателей, и не верю им. Они хороши до опре-
деленного момента. И серьезные вещи им доверять нельзя. Поэтому каждому свое место.
Но надо признать, этот нам пригодился!

Сцена 4

Каменоломни. Помещение склада. Вдоль стен уложены ящики, частично закрытые брезентом. Интендант Желтовский хлопочет с несколькими солдатами. Входит Парахин.

Желтовский. Здравия желаю, товарищ комиссар!

Парахин. Вольно. Ну, что у вас с продуктами?

Желтовский. Маловато, но справляемся.

Парахин. К вечеру будут новые списки учета.
Что на сегодняшний день? Какова установленная норма?

Желтовский. Хлеба – 200 гр., жира – 10 гр., концентратов – 15 гр., сахара – 100 гр.. подобие супа, одна селедка в день, если маленькая, то две!

Парахин. Не густо.

Желтовский. По-другому нельзя. Иначе не протянем. У нас еще гражданские сейчас на довольствии. Приказ Ягунова.

Парахин. Видимо придется еще урезать паек.

Желтовский. Есть варианты, где еду брать?

Парахин. Только у немцев, больше никак.

Желтовский. Это не стабильный источник. Как повезет. Этим людей не накормишь.

Парахин. Есть предложения?

Желтовский. Я подумаю. Вокруг поля зреют. Ячмень, пшеница. Травы много растет. Кое-какие животные отбиваются от стада. Или рядом бродят.

Да и хорошо бы с местными, теми, что в поселке, постоянный контакт наладить. Есть же у нас тайные лазы.

Парахин. Дело говоришь, интендант! Надо это все отработать. Я распоряжусь. Если нужны люди здесь в помощь, я пришлю.

Желтовский. Спасибо, товарищ комиссар! Пока справляемся.

Вы не беспокойтесь, из кожи вылезем, а гарнизон накормим!

Знаете такой анекдот... Одесса. Утро. Привоз.

Дайте, пожалуйста, мне попробовать вон ту колбаску. Что-то солоновата.

А можно попробовать вот эту? Нет, не годится, черсчур наперчена.

А вот ту? Можно попробовать? Нет, пресная. А кровянка есть? Дайте кусочек попробовать! Жирновата... Ой, это за мной уже такая очередь?

Извините, пожалуйста, что я вас задерживаю.

Голос из очереди:

Ничего, ничего, вы завтракайте, завтракайте, мы подождем!

Одесса, Привоз:

– Что-то у вас рыба какая-то некрасивая, бледная?

– А шо вы хотите, мадам? Встала в море сегодня рано, не успела накраситься...

А это на тему религии. Два пьяных еврея ломятся в ворота женского монастыря, не понимая, где находятся. Из-за ворот на них кричат:

– Уходите отсюда! Здесь у нас Христовы невесты, а вы кто такие?!

– Мы? Родственники со стороны жениха!

Парахин. Ну, Желтовский! Правду о тебе говорят, мертвого рассмешишь, из могилы поднимешь! Молодец! Так держать!

Желтовский. Так я же из Одессы. Нам печаль и прочее уныние противоестественны... Где бы мы ни были!

Парахин. Это хорошо! И очень важно для всех нас. Если будет время, общайся с солдатами, почаще. Ты хорошо на них влияешь. Поднимаешь настроение, и боевой дух соответственно.

Желтовский. Да без проблем, товарищ комиссар, все сделаем в лучшем виде.

Парахин. От твоей тыловой службы многое сейчас зависит. Самые острые вопросы – еда и вода. Без этого сам понимаешь, воевать никто не сможет.

Желтовский. Я все понимаю, Иван Павлович, все будет в полном ажуре.

Парахин. Положение наше трудное, но временное. Скоро наши войска перейдут в наступление и освободят Крым. Рядом с нами сражается Севастополь. Мы не одни... Сейчас устанавливаем связь с Таманью, чтобы скоординировать действия для успешной высадки десанта, и для нашего удара с тыла. Так что, немного потерпеть осталось. Главное не расслабляться. Собраться, сжаться в кулак, сплавиться в стальной стержень, несмотря ни на что. И победить! Обязательно победить! Другого расклада быть не может.

Желтовский. Непременно победим. Мы их сильнее духом. И это главное.

А знаете, я после войны, стану наверно шеф-поваром или директором какого-нибудь ресторана. И я Вас приглашаю. Я вас такими блюдами угощу, о каких и в Париже не видывали!

Парахин. Дорогой ты мой человек! Ты здесь народ накорми, а потом я с тобой хоть куда пойду! Хоть в ресторан, хоть на набережную. Потом все что угодно.

Желтовский. Не сомневайтесь, товарищ комиссар, от голода никто не пострадает!

Парахин. Ну бывай, Владимир! Если что не так пойдет, сообщай сразу!

Желтовский. Обязательно, Иван Павлович! Мы не подведем! Как говорится... «Это невозможно!» – сказала Причина. «Это безрассудно!» – заметил Опыт. «Это бесполезно!» – отрезала Гордость. «Попробуй...» – шепнула Мечта!

Парахин. Верно. Удачи и терпения!

Желтовский. Все будет замечательно, как поют у нас в Одессе:

«Все будет хорошо.
К чему такие спешки?
Все будет хорошо.
И в дамки выйдут пешки.
И будет шум и гам.
И будет счет деньгам.
И дождички пойдут по четвергам!»

Сцена 5

25 мая 1942 г. Каменоломни. Небольшой казарменный отсек недалеко от штаба. Ефремов лежит на нарах, засыпает. Неожиданно входит Белов.

Белов. Коля?

Ефремов. *(с трудом поднимаясь и соображая)* Чего?

Белов. Оружие поступившее мне надо получить.

Ефремов. Товарищ старший лейтенант, ночь на дворе...

Белов. Здесь всегда ночь. Нам, что завтра, кулаками немца бить? Давай, дорогой, бери бумаги, прогуляемся до склада! А потом, отдыхай на здоровье! Народ ждет, волнуется!

Ефремов. Народ спит давно. Может, завтра прямо с утра?

Белов. Коля, у меня и без этого забот хватает, я своих уже к складу отправил, давай, шинель накидывай, фуражку нахлобучивай и потопали!

Ефремов. Ох, Николай Николаевич, за что ж Вы меня так любите!

Белов. За проворность и исполнительность.

Ефремов. Я уже понял.

Уходят к штабу. Ефремов приносит документы. В свете «летучей мыши» трет заспанные глаза, перелистывает страницы.

Ефремов. Приказ был... Вот он. Значит так... Согласно предписанию, в ваш батальон положено 15 винтовок, из них 7 трофейных, 2 автомата МП-40, 3 ящика гранат, 250 штук патронов.

Белов. Не густо. Но хоть какое-то поступление.

Ефремов. Начнем фашистов методично трепать, побольше будет. Трофеи распределяем на всех.

Белов. Это понятно... Пошли уже!

Ефремов. *(сонно)* Ага... идем.

Белов. Ну как служба, тетка?

Ефремов. В целом нормально. Но не так, как себе представлял после училища. Полевые сражения, тактика, игра ума. Я больше бегаю, чем воюю. Туда-сюда по всем каменоломням. Связной штаба. Зато все знаю. Многое вижу. С представителями разных родов войск взаимо-

действую, у каждого своя специфика, как никак! Учусь на ходу. Хороший опыт на будущее, пригодится!

Белов. Опыт у нас у всех уникальный будет, после этой обороны. Впору учебники писать или книги художественные. Вот Ты бы и написал!

Ефремов. Это не по моей части. У меня письма то, с трудом получаются, путано да сбивчиво. А книгу – шутите!

Белов. Научись, какие твои годы. Напишешь. Ты сможешь, парень Ты толковый и с памятью у Тебя хорошо. И назови ее, как есть, скажем «Солдаты Подземелья». И расскажи, все как было.

Должен же кто-то о нас написать!

Ефремов. А почему, я то?

Белов. Не знаю. Может так надо...

Ефремов. Умеете Вы озадачить, Николай Николаевич! Как придумаете чего... в самый момент неподходящий...

Белов. Не ворчи, да ступай осторожней, тут вон камни и яма!

Ефремов. Да вижу я... У меня вообще сегодня день рождения! Или завтра? Тут в этой темени и не разберешь, какой день наступил! Это же ночь сейчас... или уже утро? Запутался я совсем. Нет, все правильно – сегодня!

Белов. Сколько стукнуло?

Ефремов. 21 год...

Белов. Поздравляю! Мне бы твои годы! Я б за молоденькими девчонками побегал бы... А сейчас, с моим брюшком, далеко не разбежишься!

Ефремов. Не скромничайте! Вы мужчина статный, солидный, при высокой должности. После войны возьмете свое...

Белов. Я уж отбегал свое. У меня семья, дети. Все серьезно.

Ефремов. Ясно. Семья это здорово, если еще и большая, вот у меня...

Белов. Стоп!

Ефремов. Что такое?

Белов. Дымом пахнет... Горит что ли где-то?

Ефремов. Удивили! Да тут круглые сутки что-то горит – везде дым гуляет, все жарят, парят, варят, коптят... Особенно гражданские. У них всегда смог висит. И так дышать нечем!

Белов. Может пожар?

Ефремов. Да ну Вас, вы опять меня разыгрываете, или сегодня доконать хотите?

Белов. Коля уймись, я серьезно...

Ефремов. Ну развел кто-то варево свое от души...

Белов. Нет! Привкус другой, не наш, сладковатый.

Ефремов. Значит, сахар опять жарят. Его тонны у нас... Вот народ и развлекается как может!

Белов. Погоди, шум слышишь?

Ефремов. Ну да, голосов много, но мало ли...

К ним приближается тяжелый гул.

Ефремов. Что это?

Белов. Сейчас узнаем.

*Из глубины коридора на них движется обезумевшая толпа людей в густых облаках сте-
лющегося буровато-желтого тумана... Доносятся истошные крики. Внезапно гаснут элек-
трические лампочки. Во тьме открытой раной, шевелится живая масса.*

Ефремов. Что происходит?

Белов. Это газ...

Ефремов. Газ? Откуда?

Белов. Сверху, откуда же еще? Фашист зверствует! Немцы пустили газ... Это химическая атака. Что будем делать? Дальше пойдем – нас или затопчут, или задохнемся. Бездействовать тоже нельзя.

Ефремов. К штабу надо! Там противогазы вроде были...

Белов. Тогда – быстро назад и возвращаемся сюда. Людей спасать надо!

В глубине катакомб возникает призрачная скорбная фигура, похожая на тень. Она мед-
ленно пишет, согнувшись, в зыбком свете лучины.

Гулким голосом звучит в подземелье,

Из дневника, найденного в каменоломнях политрука Александра Трофименко:

*«...Но грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем нечем. Слышу крик, шум,
быстро схватился, но было уже поздно. Человечество всего земного шара, люди всех нацио-
нальностей! Видели вы такую зверскую расправу, какую применяют германские фашисты?»*

Нет! Я заявляю ответственно – история нигде не рассказывает нам о подобных извергах. Они дошли до крайности. Они начали давить людей газами. Полны катакомбы отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но, увы, они лежали мертвыми на земле с разорванными на грудях рубашками, кровь лилась изо рта. Вокруг крики: «Помогите! Спасите! Покажите, где выход, умираем!» Но за дымом ничего нельзя было разобрать. Я и Коля были тоже без противогазов. Мы вытащили 4 ребят к выходу, но напрасно; они умерли на наших руках. Чувствую, что я уже задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю. Кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу – спасать раненых, что были в госпитале. Ох, нет, не в силах описать эту картину! Пусть вам расскажут толстые каменные стены катакомб, они были свидетелями этой ужасной сцены. Вопли, раздирающие стоны, кто может – идет, кто не может, – ползет, кто упал с кровати и только стонет: «Помогите, милые друзья! Умираю, спасите!». Белокурая женщина лет 24 лежала вверх лицом на полу, я приподнял ее, но безуспешно. Через 5 минут она скончалась. Это врач госпиталя. До последнего дыхания она спасала больных, и теперь она, этот дорогой человек, удушена. Мир земной, Родина! Мы не забудем зверств людоедов. Живы будем – отомстим за жизнь удушенных газами. Требуется вода, чтобы смочить марлю и через волгую дышать. Но воды нет, ни одной капли. Таскать к отверстию нет смысла, потому что везде бросают шашки и гранаты... Выходит один выход – умирать на месте в противогазе. Может быть, и есть, но теперь уже поздно искать. Гады, душителю. За нас отомстят другие. Несколько человек вытащили ближе к выходу, но тут порой еще больше газов. Колю потерял, не знаю, где Володя, в госпитале не нашел, хотя бы в последний раз взглянуть на них. Пробираюсь на центральный выход, думаю, что там меньше газов. Но это только предположение... теперь я верю в то, что утопающий хватается за соломинку. Наоборот, здесь больше отверстия, а поэтому здесь больше пущено газов. Почти у каждого отверстия 10—20 человек, которые беспрерывно пускают ядовитые газы – дым. Прошло 8 часов, а он все душит и душит. Теперь уже противогазы пропускают дым, почему-то не задерживают хлор. Я не буду описывать, что делалось в госпитале на Центральной, такая же картина, как и у нас, но ужасы были по всем ходам, много трупов валялось, по которым еще полуживые метались то в одну, то в другую сторону. Все это, конечно, безнадежно. Смерть грозила всем, и она была так близка, что ее чувствовал каждый. Чу! Слышится пение «Интернационала». Я поспешил туда. Перед моими глазами стояли 4 молодых лейтенанта. Обнявшись, они в последний раз пропели пролетарский гимн...

Какой-то полусумасшедший схватился за рукоятку «максима» и начал стрелять куда попало. Это предсмертная судорога. Каждый пытался сохранить свою жизнь, но увы! Труды напрасны. Они не просят пощады, не становятся на колени перед бандитами, издевавшимися над мирными людьми. Гордо умирают за свою любимую священную Родину...»

На главную рацию заходит несколько офицеров в противогазах. Один из них протягивает листок с написанным текстом. Радист берет его и передает в эфир:

««Всем, всем, всем! Всем народам Советского Союза! Мы, защитники Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся! Полковник Ягунов».

В темноте, в расщелине катакомб, сидят на камнях Белов и Ефремов, усталые и измотанные.

Белов. (снимая противогаз) Кажется все... Сейчас остатки сквозняком продует. Передохнем! Будем время решить, что делать. Фашист основательно взбесился! Больше шести часов газ заливали!

Ефремов. *(его нервно трясет)* Я думал, этот кошмар никогда не кончится, Мельница тьмы сумасшедшая! Что-то невыносимое... запредельное!

Белов. *(протягивая фляжку)* На, выпей! Остатки НЗ – водка!

Ефремов. Спасибо!

Белов. Утро наступило. Ночка выдалась на слабая. Просто врата преисподней открылись... Но мы уцелели!

Ефремов. Вот и день рождения прошел. На жутком кладбище своих товарищей... Сколько ж погибло – не счесть! Такое никогда не забуду!

Белов. Родишься снова, как Феникс! Все мы должны это сделать! И бороться дальше. Отомстить! Сдаваться нельзя. Во имя тех, кто погиб сегодня. Их смерть не должна быть напрасной. Мы обязаны воздать по заслугам за это преступление.

Ефремов. Фашисты проклятые! Я бы сейчас их разорвал на части, голыми руками, твари! Ублюдки...

Белов. Их час наступит. Сегодня произошло страшное. Это за гранью всех существующих законов. Что-то в мире стало не так. Движение механизма основ Жизни нарушено. И этим черным псам прощенья не будет. Прокляты они навеки!

Ефремов. Куда ни глянь, трупами все завалено... Как такое может быть... С ума сойти можно! И это только сегодня! А завтра что будет?

Из дневника Александра Трофименко:

«...Эта ночь была одной из тех, которую мало кто пережил. ...Мы вышли из штаба и направились вдоль катакомб. Ты видела, матушка Русь, как зверски расправился фашист, до какой степени дошли людоеды?

Они не только стреляют, режут, разрывают, но и душат газами.

Чуть ли не на каждом квадратном метре можно увидеть один-два трупа. На боку, на спине, с открытыми ртами, окровавленными и ужасно распухшими лицами, выпученными глазами лежали бойцы, командиры, политработники. Рядом с ними дети, женщины, мужчины из гражданского населения. Дальше идти было незачем, ибо всюду почти одно и то же. Панов остановился, снял шапку, опустил голову. За ним снял Саша Капран и все остальные. Так молча постояли 5 минут, не находили, что сказать друг другу. Бандиты, удушили лучших людей. Будем знать, что вы героически умерли за Родину. Навеки останетесь в наших сердцах, вечная память вам, дорогие наши, незабываемые боевые друзья. Знайте, что если будем живы, выйдя на поверхность, будем бить по-иному за истязания, за удушенных, освободить нашу землю от погони. «Саша, – обратился Панов к своему заместителю, – учесть нужно будет, кто остался в живых, немедленно похоронить умерших товарищей, что ни есть вести самый строгий учет». Саша кивнул головой в знак согласия. Но долго не пришлось ходить. Через 15 минут фрицы начали вновь душить газами. 8 утра, а уже из-за дыма ничего не видно. Кто куда попал, в дыму разбежались. Дышать нечем, противогаз тоже отказывается, начинает хлор просачиваться. Сегодня, как никогда, усиленно душит. На каждом выходе бросает шашки и гранаты. Вновь раздирающие крики, вопли, зовущие на помощь. Жертвы, жертвы. Смерть так близка, а умирать все-таки неохота именно в этой готовой могиле. Ведь это

смерть хорька, которого душат дымом, как вредителя. Ровно в 11 часов ночи прекратили пускать газ. Теперь можно дать гарантию, что в живых осталось не более 10%. Храбрые люди, преданные партии, своей Родине, смотрят смерти прямо в глаза, предатели же, дрожа за свою шкуру, ушли в плен... Только к 12 часу ночи люди начали сходитьсь вновь группами... Прежде всего командование занялось уборкой трупов. Целый день пришлось закапывать своих боевых товарищей, а конца и краю не было. Вести учет по фамилиям не было возможности, потому что ежедневно враг пускал газ... За один день мы только на своей территории зарыли 824 человека. Что же делалось на территории других батальонов, то, наверное, не меньше, чем у нас. За кровь этих золотых друзей заплатятся подлые фашистские души своей людоедской подлой кровью.»

Сцена 6

Каменоломни. Сплетение глухих тупиков. Два раненых красноармейца пробираются через завалы и путаницу темных коридоров. Один с примитивным факелом в руках, другой опирается на него.

1 солдат. Долго еще?

2 солдат. Не пойму! Не узнаю место, оторвались мы от своих... Пусто кругом.

1 солдат. Криков, шуму сколько было, бежали толпой. И наш взвод тоже. Куда все делись?

2 солдат. Нету больше никого... Одни мы!

1 солдат. Не вижу я ничего! Глаза жжет огнем нестерпимо. Газ все разъел...

2 солдат. Я Тебя перевязал. До госпиталя доберемся, все хорошо будет!

1 солдат. Нет, Федька! Слеп я... Точно! Тьма кругом. Как я слепой жить буду?

2 солдат. Что Ты хочешь увидеть? Мы не в солнечном Баку, мрак вокруг, потому, что в катакомбе мы! Потерпи до лазарета!

1 солдат. Конец это... Лучше бы пуля была, чем слепым, как крот ползать!

2 солдат. Не причитай, прорвемся! Я вон этой дряни наглotalся, ничего, дышу пока... Двигаюсь!

1 солдат. Ну что впереди?

2 солдат. Не понимаю, где оказались... В дальних штольнях, что ли? Мы же рядом с Центральной были! Никаких признаков жизни, ни вещей, ни мусора, все чисто... Ни одного человека!

1 солдат. Смотри лучше! Не могли мы потеряться, здесь народу было как в муравейнике!

2 солдат. Я совсем не помню эти участки... Как будто здесь людей никогда не было! Дыхание холодное темное глубины...

1 солдат. Надо еще раз позвать наших!

2 солдат. Бесполезно. Здесь акустика такая, что за угол свернул – твой голос уже никто не услышит, хоть заорись!

1 солдат. Все равно давай пробовать! Надо же что-то делать.

2 солдат. Силы только потеряем. Ладно, будь по-твоему!

Кричат «Эй, кто-нибудь! Мы здесь! Есть кто?» В ответ только тяжелая, нависшая каменными сводами, тишина.

1 солдат. Что делать то будем?

2 солдат. Что? Идти дальше? Хоть как на своих наткнемся...

1 солдат. Что это было?

2 солдат. Где?

1 солдат. Ужас весь этот, с газом! Это же не описать... Вопли, стоны, давка, кровь! Мягкие, еще не остывшие трупы под ногами... Последнее что помню, когда еще видеть мог, лицо женщины, с кровавой пеной у рта... я ее видел раньше, она на кухне помогала. Это что ж такое творится, на белом свете!

2 солдат. Фашизм. От и творится. Выйдем – отомстим! Пощады никому не будет!

1 солдат. За это... Никаких наказаний не хватит. Я детишек, малых видел, малых совсем, как они задыхались, такое и в аду невозможно! И я вот все... Инвалид теперь... Слепое бревно, чучело огородное. Тюфяк! Куда я теперь такой?

2 солдат. Не переживай, врачи наши вылечат. Будешь видеть как орел!

1 солдат. Вылечат? В нашем госпитале, где кроме спирта ничего нет? Это морг, а не госпиталь! По закону – как повезет. Рана легкая – поправишься, тяжелая – помучаешься несколько недель, повалешься в бреду и на небеса! Я уже это сам видел. И от моих глаз, я чувствую, ничего не осталось! Как кислотой разъело... Месиво кровавое! Ты то, как сам?

2 солдат. Порядок, мне руку слегка задело, осколком, ерунда! Затянется быстро...

1 солдат. Смотри не запусти. Здесь сырость. Вообще ничего не заживает. Даже царапина!

2 солдат. Пройдет, нам сейчас к своим надо выбраться! Что ж такое? Не могу сообразить, где мы! Все незнакомо. Времени нет. Факел скоро погаснет...

1 солдат. А мне один хрен – хоть факел, хоть луна, хоть фары машинные! Ни черта ни вижу! Черная пропасть и все! Хорошо за тебя держусь! Спасибо, жив, дышу еще...

2 солдат. Давай-ка сюда повернем! Что-то вроде похожее на наше...

1 солдат. Поворачивай хоть куда – я за тобой, как прицеп бесхозный, телепаюсь тут...

2 солдат. Ничего! Поплутаем немного и найдем правильную дорогу... Все имеет начало и конец! Систем замкнутая – выйдем в любом случае!

1 солдат. Начало было уже... вот теперь, очевидно, скоро и конец!

2 солдат. Не дрейфь! Все будет отлично! Пробьемся! Нас ничего не остановит...

1 солдат. Сверху фашист, а здесь тонны камня давят! Ползаем среди этих глыб, как блохи... Еще и травить стали газом. Безумие!

2 солдат. Нас ничем не сломить! Ни газом, ни бомбами! Все одолеем... Выйдем наверх – разберемся! Мало не покажется...

1 солдат. Кто выйдет то? Все каменоломни в трупях! Половина гарнизона наверно полегло, если не весь!

2 солдат. Ты уж скажешь – все! Погибло много, но и осталось еще прилично.

1 солдат. И как теперь воевать будем, против газа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.